Г. А. Дашкевичъ.

О ВОЛОСТНОМЪ СУДѢ

И ЕГО РЕФОРМѢ.

(Изъ наблюденій надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ).

[illegible] статьи изъ „Виленскаго Вѣстника“ 1885 года.

Типографія А. Г. Сыркина,
Больш. ул., собств. домъ, № 37.

1885.

Дозволено цензурою 10-го мая 1885 года, г. Вильна.

2007080062

Въ послѣднее время мнѣ пришлось проживать въ деревнѣ (с. Стриговѣ, Кобринскаго уѣзда), гдѣ, не занимая никакого оффиціальнаго положенія, я наблюдалъ и притомъ совершенно свободно, безъ предвзятой мысли, за дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія. Болѣе всего меня интересовала народная юстиція, наиболѣе уклонившаяся отъ своей нормы, и потому я принялся за изслѣдованіе этой важнѣйшей функціи крестьянскаго самоуправленія.

Фактъ самоупраздненія волостного суда, до сего времени не обратившій на себя вниманія оффиціальнаго міра, служитъ вѣскимъ аргументомъ противъ ненормальной организаціи народнаго самоуправленія, созданной положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Принявшись за изслѣдованіе такого факта и прочихъ недостатковъ народной юстиціи, я старался проникнуть

въ психическій міръ крестьянства, въ его интеллектуальное и общественное сознаніе по отношенію къ даннымъ порядкамъ самоуправленія, результатомъ чего и явился нашъ трудъ „О волостномъ судѣ и его реформѣ", гдѣ, независимо отъ того, подъ руководствомъ опыта и предпринятаго изслѣдованія, мною начертанъ и самый проектъ реформы волостного суда. Во время печатанія моего труда въ мѣстной газетѣ „Виленскій Вѣстникъ", благодаря появившейся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" статьѣ г-на В. Скалона, я имѣлъ возможность ознакомиться съ интересными наблюденіями и выводами по тому же предмету нашихъ земствъ. Наблюденія эти и выводы, приведенные мною въ примѣчаніяхъ, по сравненію съ результатами моего изслѣдованія, приводятъ къ тому заключенію, что замѣчаемые недостатки крестьянскаго суда общи не малому числу волостныхъ судовъ и что это явленіе, насколько дознано нашимъ

анализомъ, зависитъ не отъ какихъ нибудь мѣстныхъ и случайныхъ причинъ, а отъ одной основной причины—неприспособленія самой организаціи суда къ простому народу.

Воспользоваться уроками прошлаго, 23-хъ-лѣтними указаніями опыта, чтобы не впасть въ ошибку стараго времени—не строить зданія на пескѣ, а на какомъ нибудь фундаментѣ, чтобы, затѣмъ, не повторять другихъ ошибокъ, вошедшихъ въ архитектуру перваго зданія,—вотъ задача нашего времени. Къ этой цѣли и направленъ былъ нашъ трудъ, быть можетъ и стоящій ниже принятой на себя задачи, но, тѣмъ не менѣе, исходившій изъ одного честнаго побужденія—насколько возможно оказать содѣйствіе правительству въ пересмотрѣ и реформѣ существующаго, не удовлетворяющаго своему назначенію, крестьянскаго самоуправленія.

Г. А. Дашкевичъ.

О ВОЛОСТНОМЪ СУДѢ

И ЕГО РЕФОРМѢ.

Несоотвѣтствіе существующаго волостного суда простому народу.—Недоразумѣніе между законодательствомъ, установившимъ кассацію приговоровъ волостного суда, съ недопущеніемъ на нихъ апелляціи, и простымъ народомъ, присвоившимъ себѣ апелляцію и отвергнувшимъ кассацію. — Несоотвѣтствіе между юрисдикціею волостного суда и его карающею компетенціею, въ корнѣ подрывающее народное правосудіе. — Недѣйствительность установленной системы наказаній, отнимающая матеріальную силу у волостного правосудія; необходимость тѣлеснаго наказанія при извѣстныхъ ограниченіяхъ. — Существующая должность волостного писаря какъ административный абсурдъ; волостной писарь не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ de jure долженъ быть, и не долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ de facto есть.—Послѣдствія безсилія и самоупраздненія волостного правосудія: упадокъ нравственности и началъ общежитія въ средѣ крестьянства.—Проектъ земскаго, приспособленнаго къ ха-

рактеру и быту простонародья суда, составленный по указаніямъ опыта и жизни. — Обычное право какъ фикція въ уголовной отрасли волостного судопроизводства.—Вредное вліяніе существующаго сельскаго самоуправленія на гражданское развитіе простого наро да.—Отзывъ крестьянина объ этомъ самоуправленіи.—Къ чему сводится задача реформы крестьянскаго самоуправленія.

Главнѣйшій органъ крестьянскаго самоуправленія—волостной судъ, какъ органъ мѣстнаго правосудія, по тому значенію, которое онъ имѣетъ въ деревенскомъ общежитіи, и оказываемому имъ здѣсь вліянію на нравственность крестьянства, наиболѣе обращалъ на себя вниманіе своимъ несоотвѣтствіемъ и, можно сказать, противорѣчивымъ отношеніемъ къ своимъ задачамъ. Главный его недостатокъ, однакожъ, всѣми видѣлся въ его несамостоятельности и шаткости, благодаря которымъ онъ легко поддается стороннему вліянію, орудующему имъ для своихъ цѣлей. Автору статьи, напротивъ, приходилось наблюдать судъ, состоящій изъ толковыхъ и честныхъ домохозяевъ, дѣйствующій болѣе или менѣе самостоятельно и объективно, каковой судъ, какъ рѣдкій экземпляръ въ своемъ родѣ, при такихъ условіяхъ, казалось, долженъ былъ бы отвѣчать своему назначенію—давать то правосудіе, которое отъ него требуется. Въ дѣйствительности, между тѣмъ, и этотъ примѣр-

ный судъ, исполненный внутренняго противорѣчія и глубокаго разлада съ народнымъ разумомъ, съ народною правдою и жизнью, самъ собою распался и упразднился, т. е. не избѣгъ общей участи волостныхъ судовъ, существующихъ болѣе номинально, чѣмъ реально.

Нынѣшній волостной судъ, подъ аналитическимъ взглядомъ, представляетъ изъ себя готовую первобытную матерію, взятую прямо изъ жизни и облеченную въ извѣстную форму. Матерію эту находимъ въ 107 ст. общ. положенія, въ которой говорится, что „судъ рѣшаетъ дѣло либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ (что почти всегда бываетъ), *на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту*". Такимъ образомъ, въ основѣ волостного суда лежитъ *народное право*, т, е. складъ житейскихъ правовыхъ понятій, которыми руководится народъ данной мѣстности, и въ этомъ состоитъ существенная особенность этого патріархальнаго суда. Принявъ за исходную точку народное право, законодательство даетъ ему приличную матеріальную форму, т. е. создаетъ внѣшнюю, юридическую организацію народнаго суда, опредѣляетъ его компетенцію и порядокъ судопроизводства. Вотъ эта-

то форма, заимствованная изъ гражданскаго судоустройства, не вполнѣ отвѣчаетъ тому народу, у котораго заимствована матерія суда, и въ этомъ несоотвѣтствіи формы съ матеріею, внѣшней организаціи съ внутреннею, лежитъ главная причина неустойчивости и расшатанности волостнаго суда, какъ не имѣющаго своего raison d'être.

Начать съ того, что судъ составляется изъ крестьянскихъ избранниковъ, засѣдающихъ въ числѣ не меньше трехъ (ст. 93), въ практикѣ обыкновенно—трехъ судей. Судъ гражданскій, какъ извѣстно, составляется изъ трехъ или пяти судей, вообще изъ незначительнаго числа лицъ, что согласно съ теоріею, приноситъ извѣстныя удобства, да иначе и быть не можетъ. Но кто всматривался въ жизнь простого народа, тотъ не могъ не замѣтить, что общественныя функціи здѣсь всегда принадлежатъ *всему* „міру", а не отдѣльнымъ личностямъ, что всѣ рѣшенія, какъ проявленія коллективной воли общества, принимаются самымъ этимъ обществомъ, а не отдѣльными его представителями. Это явленіе, конечно, объясняется гражданскою неразвитостью крестьянской среды, гдѣ личность поглощается массою, управляющеюся стадными инстинктами. Но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признать и того, что сплоченная крестьянская община, имѣющая за собою вѣка существованія, оказывается гораздо

болѣе способною къ пониманію своихъ задачъ и интересовъ и служенію таковымъ, чѣмъ отдѣльныя ея личности, стѣсняемыя въ своемъ индивидуально-общественномъ развитіи. Этотъ фактъ, прежде всего, наблюдается надъ неодинаковою жизненностью и устойчивостью въ дѣятельности волостного схода и суда, изъ коихъ первый болѣе отвѣчаетъ типу народнаго самоуправленія. Сходъ всегда дѣйствуетъ рѣшительнѣе, съ сознаніемъ своей силы, не такъ легко поддается стороннему вліянію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ высказываетъ замѣчательную силу воли, въ отличіе отъ суда, дѣйствующаго неувѣренно въ себѣ, вяло, пассивно и, съ первымъ дуновеніемъ вѣтра, поворачивающагося въ его сторону. Судьи, какъ части, выдѣлившіяся изъ цѣлаго, не охотно вступаютъ въ свою роль, точно стыдятся ея. Изложенное объясненіе прилагается и къ другому явленію, наблюдаемому въ крестьянскомъ самоуправленіи. Нравственно-общественный образъ волостного старшины рельефно выступаетъ здѣсь въ двухъ видахъ. Это или человѣкъ, который, при осторожности, искусно эксплуатируя волость, втихомолку зашибаетъ себѣ деньгу (вол. старшины, прослужившіе нѣсколько трехлѣтій сряду, пріобрѣтаютъ состоянія въ нѣсколько тысячъ, а иногда и десятковъ тысячъ руб.), или же человѣкъ, обращающійся съ волостью, какъ со своей вотчиной, во всю ширь своей грубой

натуры, не знающей себѣ никакого удержу, предающійся пьянству, безчинствамъ и пр., пропивая при этомъ всѣ свои доходы и оставляя послѣ себя запустѣлое хозяйство, надъ возстановленіемъ котораго онъ впослѣдствіи трудится въ качествѣ простого и усерднаго работника, каковымъ былъ до избранія своего въ старшины. Поэтому со старшинствомъ связана для простого народа перспектива обоюдоострой карьеры, съ одной стороны соблазняющая его властью, наживою, почетомъ, а главное раздольемъ среди отовсюду предлагающагося старшинѣ дарового угощенія водкою, а съ другой--смущающая его (простой народъ) нравственнымъ и экономическимъ разстройствомъ человѣка. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ крестьянская личность, выдѣленная изъ общины и поставленная надъ нею, не въ силахъ удержаться на высотѣ интересовъ, которымъ она призвана служить, не въ силахъ управлять собою, не только какъ общественною единицею, но и просто какъ индивидуальною личностью, привыкшею только жить въ массѣ и укладываться въ ея рамкѣ.

Но если волостной судъ, какъ коллегіальная единица въ лицѣ избраннаго крестьянскаго меньшинства, представляется еще терпимымъ, за непріисканіемъ для него лучшей формы, если волостной старшина, какъ хозяинъ и представитель волости изъ кресть-

янской массы, требуется самою необходимостью, то за то въ дальнѣйшемъ устройствѣ волостного суда встрѣчаются особенности, настолько противорѣчащія духовному и умственному складу общественной жизни простого народа, что судъ, представляющій изъ себя искусственное и неудачное сочетаніе народныхъ и гражданскихъ началъ, самъ собою долженъ былъ распасться и упразднiться.

Законодательство до такой степени довѣрилось мудрости и способности простого народа къ своей гражданской самодѣятельности, что рѣшилось оградить его судъ отъ вторженія въ него высшаго, интеллигентнаго сословія, предполагая за послѣднимъ некомпетентность въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію народнаго суда. Законодательство рѣшилось поставить волостной судъ на твердую, незыблемую почву, закрѣпить его здѣсь авторитетъ и съ этою цѣлью сдѣлало его *инстанціею безапелляціонною* (ст. 96 и 109), съ допущеніемъ отмѣны его рѣшеній только въ кассаціонномъ порядкѣ.

Между тѣмъ, законодательство совершенно упустило изъ виду нѣкоторыя психологическія и соціальныя особенности нашего простонародья, съ которыми ему необходимо было считаться при устройствѣ народнаго самоуправленія. По свойству своей младенчествующей натуры, управляющейся болѣе

впечатлѣніями и чувствами, чѣмъ разсудкомъ, и потому неспособной къ самообладанію, простой народъ увлекается реальнымъ фактомъ, нарушившимъ его душевную гармонію, лишь въ моментъ дѣйствія послѣдняго на него, когда онъ остается подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого факта, не придавая ему соотвѣтствующаго значенія, когда фактъ изъ реальной дѣйствительности перешелъ въ область его разсудка и памяти. Отсюда и для борьбы съ фактомъ, для удовлетворенія закона справедливости, для возстановленія равновѣсія нарушенной жизни, онъ требуетъ энергическаго дѣйствія лишь въ первыя минуты своего возбужденнаго настроенія, отказываясь отъ этой борьбы, когда она является результатомъ отвлеченной мысли, требованіемъ гражданскаго долга. Сообразно сему и судъ, удовлетворяющій этой цѣли, по инстинктивному требованію простого народа, долженъ тотчасъ слѣдовать за фактомъ преступленія, а исполненіе приговора за его произнесеніемъ. Судъ, такимъ образомъ, представляется народному сознанію возможнымъ лишь въ однократныхъ своихъ дѣйствіяхъ, обнимающихъ собою два отдѣльные акта—осужденіе и наказаніе виновнаго, что и выражается народною фразою: „чинить судъ и расправу“, а въ жизни самосудомъ. Этимъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснять и такія явленія, почему

простой народъ съ извѣстною всѣмъ снисходительностію относится къ арестантамъ, закованнымъ въ цѣпи за предполагаемыя тяжкія преступленія, и почему тотъ же народъ заявляетъ себя безпощадностью звѣрской расправы надъ человѣкомъ, пойманнымъ на мѣстѣ совершенія незначительнаго проступка, въ родѣ, напр., кражи луку изъ огорода.

Расчлененіе судопроизводства, необходимо допускаемое нашею гражданскою судебною практикою, на три отличные, отдѣленные между собою извѣстными промежутками времени, акта: на изслѣдованіе преступленія, чѣмъ бываетъ занято предварительное слѣдствіе, судебную процедуру, происходящую въ залѣ суда, и затѣмъ приведеніе въ исполненіе его приговора, что лежитъ уже на обязанности административной власти,— такое расчлененіе судопроизводства, какъ противное духу и темпераменту крестьянскаго простонародья, рѣшительно отвергается народною юстиціею, требованія которой олицетворяются въ самосудѣ. Народный самосудъ по тому самому и долженъ былъ бы послужить прототипомъ для волостного суда.

Клиномъ, раскалывающимъ волостной судъ на его составныя, отдѣленныя другъ отъ друга, части, служитъ кассація. Кассаціонные поводы для отмѣны приговора суда, если въ гражданской практикѣ являются большею

частью игрою въ пустую формальность, составляютъ судебную казуистику, то для простого народа, отличающагося реализмомъ своего мышленія и взгляда, кассація является такимъ фокусомъ, котораго онъ никакъ не можетъ себѣ разгадать и въ толкъ взять. Кассаціоннымъ поводомъ для отмѣны приговора волостного суда, при упрощенности формъ его судопроизводства, по преимуществу служитъ превышеніе имъ своей власти, и вотъ что по этому поводу правилами 1868 г. установлено. „Если волостной судъ постановитъ рѣшеніе по такому дѣлу, которое не подлежитъ его разбору на основаніи статей 96—98 и 101 общ. полож., или приговоритъ виновныхъ въ совершеніи маловажныхъ проступковъ ко взысканію, либо наказанію въ мѣрѣ, превышающей указанную въ статьѣ 102 того же положенія, или же, наконецъ, постановитъ по дѣлу рѣшеніе безъ вызова къ суду участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, вопреки ст. 107 общ. полож., то такія рѣшенія и приговоры волостнаго суда, какъ несогласные съ закономъ, могутъ быть отмѣнены уѣзднымъ съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, вслѣдствіе просьбъ, поданныхъ лицами, до коихъ рѣшеніе или приговоръ касается“, и въ важныхъ случаяхъ, независимо отъ сторонъ, по представленію мирового посредника (прилож. къ 109 ст. общ. полож., примѣч. по продолженію 1868 г.).

Законодательство настолько было озабочено охраненіемъ прочности приговоровъ волостного суда, что не допустило на нихъ апелляціи. Тому же законодательству, ради послѣдовательности, слѣдовало бы принять мѣры, предупреждающія необходимость кассаціонныхъ отмѣнъ этихъ приговоровъ, что могло быть достигнуто возложеніемъ особой обязанности, съ отвѣтственностью за нее, на старшину или, лучше, на вол. писаря— указывать каждый разъ суду его границы и требуемыя формальности. Въ практикѣ такая обязанность создалась сама собою въ лицѣ вол. писаря, какъ толковаго руководителя самоуправленія, который, при разбирательствѣ дѣлъ, заявляетъ суду о неподсудности претензіи, о невозможности разбирательства за невызовомъ участвующихъ въ дѣлѣ такихъ-то лицъ, напоминаетъ забывающимся судьямъ о предложеніи сторонамъ примириться, устраняетъ явное, такъ сказать, оффиціальное давленіе на судъ со стороны вол. старшины и т. п. Волостной писарь, ставъ, такимъ образомъ, руководителемъ судей въ лабиринтѣ небольшихъ формальностей, которыя ими часто игнорируются, по непониманію значенія таковыхъ, или просто забываются, получаетъ отсюда рѣшающее вліяніе и на судьбу даннаго приговора, ибо онъ, своевременнымъ предупрежденіемъ судей о соблюденіи необхо-

димыхъ формальностей, можетъ обезпечить приговору законное существованіе, или же наоборотъ, умолчаніемъ — подвести его подъ отмѣну. Послѣдній результатъ, какъ намъ передавали, на практикѣ достигается гораздо проще, а именно волостной писарь просто можетъ оформить или не оформить приговора опущеніемъ, при записи его въ „книгу“, напр., такого обстоятельства, что судъ склонялъ сторонъ къ примиренію, или не обозначитъ цѣны иска, подлежавшаго разсмотрѣнію суда, такъ какъ никто, кромѣ самого писаря, не читаетъ того, что имъ записывается въ „книгу“, а одного этого злоупотребленія достаточно, чтобы кассаціонная инстанція безъ всякой повѣрки отмѣнила приговоръ суда. Что касается тяжущихся сторонъ, то онѣ проникнуты однимъ практическимъ стремленіемъ, центръ ихъ тяжести всегда обращенъ на одинъ объектъ—добиться правды по существу дѣла, не обращая при этомъ вниманія на сопровождающія его тѣ или другія формальности. Превышаетъ ли судъ свою власть или нѣтъ—это дѣло самого суда, а не сторонъ, мало смыслящихъ въ подобныхъ вопросахъ; склонялъ ли судъ сторонъ къ примиренію, или нѣтъ, производилъ ли старшина видимымъ своимъ вмѣшательствомъ давленіе на судъ, или нѣтъ, — стороны этимъ обстоятельствамъ придаютъ мало зна-

ченія, находя, что ихъ взаимное примиреніе есть ихъ личное дѣло, зависящее отъ ихъ доброй воли, а не отъ суда, выполняющаго этимъ свою формальную обязанность; а что касается подстрекающаго образа дѣйствія вол. старшины, то стороны находятъ, что послѣдній и безъ видимаго своего вмѣшательства имѣетъ возможность провести свое вліяніе на судъ, съ не меньшимъ для себя успѣхомъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ, гдѣ-нибудь въ корчмѣ, что на практикѣ сплошь и рядомъ дѣлается. Присутствіе вол. старшины при судьяхъ, во время ихъ совѣщанія, равно какъ и присутствіе всякаго посторонняго лица, въ глазахъ крестьянской массы, не представляетъ собою юридической аномаліи, уже въ виду одного того, что при судьяхъ въ этотъ моментъ допускается присутствіе, въ роли секретаря суда, вол. писаря, который можетъ провести свое вліяніе на судъ и за себя, и за старшину, и за кого угодно. Съ точки зрѣнія крестьянства только одно обстоятельство пріобрѣтаетъ значеніе, какъ достаточный поводъ для отмѣны приговора суда, именно невызовъ къ разбирательству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, такъ какъ отъ такого обстоятельства зависитъ не только направленіе, но и исходъ дѣла, и стало быть оно апелляціоннаго свойства. Крестьяне, при своемъ простодушіи, повторяемъ,

не понимаютъ толка въ процессуальныхъ условіяхъ—имѣющихъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе — ограждающихъ правильность отправленія правосудія, и потому не придаютъ значенія вышеуказаннымъ уклоненіямъ волостного судопроизводства отъ установленной формы. Они только требуютъ отъ суда разрѣшенія дѣла по его существу, при какой бы то ни было обстановкѣ.

Наше законодательство того времени, къ которому относится крестьянская реформа, не будучи близко знакомо съ простымъ народомъ, признало въ немъ такія свойства, какихъ въ немъ нѣтъ, и наоборотъ, игнорировало тѣ, какія въ немъ есть. Законодательство, повидимому, заподозрило въ простомъ народѣ непочатый уголъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, достаточныхъ для того, чтобы онъ, при дарованной ему свободѣ, могъ зажить своею жизнью, почему и дало ему автономное устройство въ формѣ существующаго самоуправленія. Между тѣмъ, простой народъ, придерживаясь обратнаго воззрѣнія, самымъ категорическимъ образомъ, протестуетъ противъ такой вѣры въ него, въ его автономныя способности. Сознавая болѣе, чѣмъ кто-либо другой, свои недостатки („мы народъ темный, слѣпой“— фраза, которую часто можно слышать въ устахъ крестьянъ) и поражаясь на каждомъ

шагу интеллектуальнымъ и общественнымъ превосходствомъ надъ собою господскаго, „благороднаго“ класса, простой народъ съ глубокимъ убѣжденіемъ признаетъ, что только господскій классъ одаренъ разумомъ, совѣстью и способностями, необходимыми для начальствованія и управленія, что такова его миссія, возложенная на него Провидѣніемъ. При такомъ складѣ своихъ убѣжденій, не признавая за своимъ самоуправленіемъ, какъ синедріономъ темной, невѣжественной толпы, засѣдающей одинаково и въ волостномъ правленіи, и въ корчмѣ, ни умственной и гражданской нравоспособности, ни нравственнаго авторитета, ни компетентности въ своемъ дѣлѣ, необходимыми для всякаго управленія, простой народъ, при своихъ автономныхъ правахъ, всѣми способами уклоняясь отъ волостныхъ учрежденій, не перестаетъ обивать пороги господскому классу, къ которому и обращается по всѣмъ своимъ дѣламъ и тяжбамъ: къ писарю, мировому посреднику, приставу, священнику, даже къ постороннимъ частнымъ лицамъ, которыя, разумѣется, отказываются отъ вмѣшательства въ чужія дѣла. Дѣйствительно, крестьянская автономія сама изрекла смертный приговоръ надъ собою и предубѣжденіе противъ нея, такъ сказать въ принципѣ, простого народа оправдывается краснорѣчивыми фактами, съ которыми свя-

зано ея существованіе. Простой народъ до сего времени не допускаетъ и мысли, чтобы на этотъ фатальный „мужицкій судъ", самый несовершеннѣйшій въ мірѣ, никому нельзя было жаловаться, нельзя было жаловаться высшему начальству, которое бы исправило ошибки и злонамѣренныя увлеченія суда первой инстанціи, подобно тому, какъ это принято въ общихъ судахъ, гдѣ на рѣшенія одного суда приносятся жалобы стоящему надъ нимъ высшему другому суду. Не вѣря, такимъ образомъ, въ возможность того, что говоритъ писарь съ общимъ положеніемъ въ рукахъ, въ возможность судебнаго абсолютизма вол. суда, и, съ другой стороны, не только не удовлетворяясь приговоромъ послѣдняго, но и до глубины души возмущаясь его кощунственнымъ издѣвательствомъ надъ правосудіемъ, надъ положеніемъ человѣка, обращающагося къ нему, простой народъ, подъ вліяніемъ своего упрямаго убѣжденія и возмущеннаго нравственнаго чувства, жалуется на вол. судъ, постановившій несправедливый приговоръ. А такъ какъ съѣздъ миров. посредниковъ не отказывается отъ принятія жалобъ, то этого и достаточно, чтобы ему приносились жалобы на рѣшенія вол. суда, требующія отмѣны или перерѣшенія дѣла по существу. Происходитъ великое недоразумѣніе, на подобіе того, которое было при столпотвореніи ва-

вилонскомъ, между съѣздомъ или, точнѣе, законодательствомъ, на точку зрѣнія котораго становится съѣздъ, какъ его исполнительный органъ, и простымъ народомъ, руководствующимся своими взглядами и убѣжденіями. Съѣздъ осаждается массами апелляціонныхъ жалобъ, подаваемыхъ почти на каждое рѣшеніе волостного суда и, по разсмотрѣніи ихъ съ кассаціонной точки зрѣнія, массами оставляетъ эти жалобы безъ послѣдствій. Даже кассаціонныя жалобы, подаваемыя крестьянами, не могутъ служить здѣсь исключеніемъ, такъ какъ въ этой формѣ онѣ обыкновенно заготовляются опытными грамотѣями, по преимуществу тѣми же волостными писарями.

Недоразумѣніе тѣмъ болѣе печальное, если мы, поднявъ завѣсу, заглянемъ въ самый волостной судъ. Разбирательство предъ нимъ не есть та болѣе или менѣе объективная процедура, съ которою мы свыклись въ нашихъ судахъ. Предъ волостн. судомъ разыгривается драма, выхваченная прямо изъ жизни, драма, исполненная глубокаго лиризма, поражающая антагонизмомъ страстей и трагизмомъ, охватывающимъ участвующихъ въ ней лицъ, не исключая и добросовѣстныхъ судей. Драма эта переноситъ насъ за видимую обстановку сельской жизни, гдѣ мы знакомимся съ неприглядъ-

ными закулисными сторонами крестьянскаго семейнаго быта: съ трагическимъ положеніемъ здѣсь личности, изнывающей въ борьбѣ съ невыносимыми условіями семейнаго, домашняго гнета, выбиться изъ подъ котораго и составляетъ конечную цѣль ея усилій, — съ картиною грубыхъ нравовъ и различными актами насилія, движимаго эгоистическими разсчетами, вытѣсняющими патріархальныя семейныя чувства, съ упадкомъ затѣмъ авторитета завѣтныхъ родовыхъ началъ. Пусть обстановка суда будетъ правильная; тяжущіяся стороны, увлекающія за собою свидѣтелей, волнуются, бросаютъ другъ въ друга взаимные укоры, клянутся, вздыхаютъ, плачутъ... Но вотъ кончилось судебное разбирательство, стороны отказались отъ примиренія, всѣ выходятъ, дверь затворяется, остался только судъ да писарь. Судьи, совѣщаясь между собою, стараются по правдѣ рѣшить дѣло. Приговоръ записанъ въ „книгу“, дверь растворилась, толпа входитъ. Писарь громко читаетъ приговоръ суда, но еще онъ не успѣлъ окончить чтеніе, какъ одна или обѣ стороны, съ едва скрываемымъ гнѣвомъ и негодованіемъ на лицѣ, просятъ имъ выдать копію съ рѣшенія для занесенія жалобы.

Вотъ этотъ то протестъ, слѣдующій почти за каждымъ приговоромъ вол. суда, производитъ крайне удручающее впечатлѣніе на

судей. Судъ и безъ того клеймится общественнымъ мнѣніемъ, безъ того имѣетъ противъ себя массу личныхъ неудовольствій, и потому каждое вновь заявляемое неудовольствіе оказывается свѣжимъ ударомъ, наносимымъ въ растравленную рану. Въ этомъ состоитъ трагизмъ добросовѣстнаго суда, заставляющій его понизить тонъ своего правосудія, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Вотъ почему судьи крайне не охотно вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей, пользуются каждымъ случаемъ, чтобы, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ (кумовства, свойства, сожительства въ одной деревнѣ и пр.), устранить себя отъ засѣданія по дѣлу, выдвинутому на очередь, такъ что между ними происходятъ иногда по этому поводу пререканія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется также, почему судьи прилагаютъ часто лишнія старанія для склоненія сторонъ къ примиренію, по нѣскольку разъ съ этою цѣлью выходятъ изъ совѣщательной комнаты, и сколько было радости, когда однажды, какъ мы замѣтили, такія ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ: судьи точно почувствовали, что съ ихъ плечъ свалилась тяжелая обуза, а таковая—ихъ собственный приговоръ.

Обѣ стороны или одна изъ нихъ принесли апелляціонныя жалобы установленнымъ порядкомъ. Вся эта процедура, на-

чиная съ объявленія приговора волостного суда, на обжалованье котораго дается мѣсячный срокъ, до рѣшенія дѣла съѣздомъ и объявленія его приговора, продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, около полугода. Этого времени, между тѣмъ, достаточно, чтобы, подъ вліяніемъ естественнаго теченія жизни, въ нравственномъ и психическомъ настроеніи сторонъ произошли существенныя перемѣны. Стороны, не покончивши между собою волостнымъ судомъ, куда онѣ занесены были вихремъ ссоры на короткій моментъ, послѣ того продолжаютъ свою распрю въ той жизненной сферѣ, гдѣ она была до суда. Враждующія стороны въ своемъ взаимномъ антагонизмѣ доходятъ или до крайняго напряженія, что сопровождается, при грубости нравовъ сельскаго простонародья, обыкновенно драками и различными болѣе или менѣе варварскими пріемами мести, предъ каковыми явленіями отступаетъ на задній планъ приговоръ суда, въ незначительной легальной дозѣ дающій удовлетвореніе одной изъ сторонъ; или же, напротивъ, съ теченіемъ времени страсти у нихъ остываютъ и стороны, подъ вліяніемъ данныхъ условій общежитія, приходятъ относительно другъ друга къ нейтральному состоянію, иначе сказать, къ пассивному примиренію. Въ обоихъ случаяхъ исполненіе приговора суда, опоздавшее на нѣсколько мѣ-

сяцевъ, послѣ того какъ онъ состоялся, является лишнимъ, потерявшимъ интересъ для сторонъ и нежелательнымъ для исполнительной власти. Волостной старшина, по вышеизложенному свойству крестьянской натуры, не обладающей разсудочнымъ объективизмомъ, чуждой мотивовъ гражданскаго долга, не можетъ рѣшиться на наказаніе человѣка, противъ котораго онъ лично ничего не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что на требуемомъ исполненіи приговора, составляющемъ для него моральную пытку, въ данную минуту никто и не настаиваетъ *). Сторонѣ, противъ которой требуется исполнить приговоръ, при такихъ условіяхъ, легко и задобрить старшину. Отъ исполненія приговоровъ волостного суда

---

*) По 110 ст. общ. полож. исполненіе приговоровъ волостного суда собственно возлагается на сельскихъ старостъ; но повсемѣстною практикою волостного самоуправленія эта обязанность перенесена на старшину, какъ единственнаго начальника изъ крестьянъ возвышающагося надъ своею средою, тогда какъ сельскіе старосты, при своихъ номинальныхъ аттрибутахъ власти, на самомъ дѣлѣ не выходятъ изъ уровня своей среды и потому не заключаютъ въ себѣ достаточной силы и власти, чтобы приводить въ исполненіе приговоры волостного суда, что равносильно, въ глазахъ крестьянской массы, самостоятельному акту чинимой расправы.

Прим. автора.

такимъ способомъ ускользаютъ не только преступники противъ частнаго права, но и противъ общаго права, противъ религіи и нравственности, своими преступленіями приведшіе въ негодованіе противъ себя все общество, требующее учиненія немедленной и строгой надъ ними расправы. Преступникъ въ такіе моменты спасается тѣмъ, что предается суду волостного самоуправленія, гдѣ онъ и попадаетъ въ водоворотъ условій, выгораживающихъ его отъ всякаго суда и расправы. Для иллюстраціи сказаннаго приводимъ слѣдующій примѣръ. Въ селѣ, гдѣ мы проживали, былъ такой случай. Одинъ крестьянинъ въ іюлѣ 1883 г., въ страдную пору, когда никому не сидится дома, среди бѣлаго дня, изъ избы сосѣда унесъ свертокъ полотна въ 44 арш. и 5 руб. денегъ, въ каковой кражѣ былъ тотчасъ настигнутъ и накрытъ съ поличнымъ. Потерпѣвшій крестьянинъ о случившемся подалъ заявленіе урядннку, отъ полиціи это заявленіе перешло въ волостное правленіе, на разсмотрѣніе мѣстнаго суда. Между тѣмъ, крестьянинъ-воръ, разгнѣвавшись на своего сосѣда за такой оборотъ дѣла, пригрозилъ ему мщеніемъ, что и исполнилъ слѣдующимъ образомъ: ночью, подкрадясь къ его лошади, пасшейся на ночлегѣ, задушилъ ее веревочною петлею. Вмѣсто одного получились два преступленія, послѣднее возмутительнѣе пер-

ваго. Тѣмъ не менѣе, за отсутствіемъ формальныхъ уликъ, крестьянинъ-злодѣй, обличаемый общею молвою, преданъ былъ волостному суду лишь за первое преступленіе. Судъ приговорилъ его, за кражу полотна и денегъ, къ наказанію розгами 15-тью ударами. Подсудимый хотя и не жаловался съѣзду мировыхъ посредниковъ, но состоявшійся надъ нимъ приговоръ могъ быть исполненъ не раньше мѣсяца, и этого непродолжительнаго времени, между тѣмъ, достаточно было, чтобы приговоръ былъ кассированъ самою жизнью, т. е. ipso facto остался безъ послѣдствій *).

---

*) Приговоръ, состоявшійся 4-го сентября 1883 г., впрочемъ, былъ исполненъ мѣстнымъ волостнымъ старшиною спустя годъ, 29 августа 1884 г., подъ вліяніемъ слѣдующихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. По поводу повсемѣстнаго неисполненія приговоровъ волостныхъ судовъ, и въ частности вышеупомянутаго приговора с—го волостного суда, нами въ маѣ 1884 года напечатана была корреспонденція въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, имѣвшая въ виду обратить вниманіе на это обстоятельство вновь назначеннаго губернатора, отправлявшагося по ревизіи въ губернію,— что имѣло слѣдствіемъ то, что мѣстный волостной старшина, по настойчивому приказанію мирового посредника, угрожавшаго ему арестомъ, спустя нѣсколько времени, наконецъ, привелъ въ исполненіе, упоминавшійся въ корреспонденціи, приговоръ волост-

Такихъ приговоровъ, кассированныхъ жизнью, при обжалованіи и необжалованіи ихъ, считается массами за волостными правленіями, гдѣ, по отзывамъ писарей, неисполненіе приговоровъ ведетъ свое начало со времени учрежденія волостного суда, такъ что статистическія свѣдѣнія, еслибы собраны были по этому предмету, пролили бы не мало свѣта на эту мертвую сторону крестьянскаго самоуправленія. Приговоры вол. суда, если гдѣ исполнялись и теперь исполняются, то это лишь благодаря настойчивому требованію болѣе дѣятельныхъ мировыхъ посредниковъ, привлекающихъ за неисполненіе приговоровъ должностныхъ лицъ къ отвѣтственности, или благодаря особенной строгости, а всего болѣе находчивости вол. старшинъ, въ корыстныхъ видахъ лавирующихъ между исполненіемъ и неисполненіемъ приговоровъ. Практика же волостного самоуправленія, предоставленная самой себѣ, въ своемъ естественномъ теченіи, рѣшительно уклоняется отъ исполненія своихъ судебныхъ приговоровъ. Отсрочка исполненія приговоровъ, приводящая къ результатамъ, не предвидѣннымъ законодательствомъ, до очевидности противорѣча са-

---

ного суда. Это былъ единственный приговоръ, который волостной старшина, во время своей двухгодичной бытности на должности, привелъ въ исполненіе.

Прим. автора.

мому учрежденію вол. суда, побуждала по мѣстамъ волостную и мировую власть тотчасъ приводить ихъ въ исполненіе, вслѣдствіе чего на практикѣ возникали недоразумѣнія, не малый поводъ къ которымъ давало и само положеніе, отличающееся неясностью своей регламентаціи. Недоразумѣнія эти восходили до правительства, отъ котораго и послѣдовали разъясненія *).

---

*) Въ разрѣшеніе возбужденнаго нѣкоторыми губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями вопроса о томъ, когда должно считать приговоры волостныхъ судовъ вошедшими въ окончательную законную силу и подлежащими исполненію: немедленно ли послѣ того, какѣ они состоятся, или не прежде, какъ по истеченіи мѣсячнаго срока, въ теченіе котораго предоставляется подать на нихъ жалобы,— министерство внутреннихъ дѣлъ, по соображенію съ дѣйствующими правилами обжалованья рѣшеній мировыхъ инстанцій, циркулярно отъ 2-го мая 1870 г. разъяснило, что рѣшеніе волостного суда вступаетъ, въ отношеніи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, въ окончательную законную силу и подлежитъ исполненію: 1) когда на рѣшеніе не объявлено неудовольствіе и 2) когда хотя удовольствіе и не было объявлено, но просьбы объ отмѣнѣ рѣшенія въ установленный срокъ не поступило.

Разъясненіе это, правильное съ административно-юридической точки зрѣнія, рѣшило вопросъ не въ пользу волостного правосудія, страдающаго отъ сокрушающихъ

Такова чисто психологическая подкладка вышеизложеннаго уклоненія крестьянскаго самоуправленія отъ прямого пути, на который оно введено общимъ положеніемъ о крестьянахъ *). Ненормальное состояніе само-

---

ударовъ времени, къ которымъ прибѣгаютъ подсудимые, злоупотребляющіе часто своимъ правомъ объявлять неудовольствіе на приговоры волостного суда.
Прим. автора.

*) При составленіи настоящей статьи, посланной вами въ концѣ ноября прошлаго года, въ видѣ докладной записки, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, мы не руководствовались другимъ матеріаломъ, кромѣ того, который давали намъ наши наблюденія въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ намъ случилось проживать.

Для полноты нашего изслѣдованія, ограниченнаго довольно узкою сферою нашей наблюдательности, считаемъ не лишнимъ относительно результатовъ, къ которымъ мы пришли, привести здѣсь отзывы такихъ авторитетныхъ знатоковъ простого народа, каковыми справедливо считаются наши земскія учрежденія, которыя въ 1881 году были приглашены правительствомъ дать свои отзывы по вопросу о предполагавшихся тогда измѣненіяхъ въ устройствѣ крестьянскихъ учрежденій. Для этой цѣли пользуемся недавно напечатанною въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ статьею г-на В. Скалона „Земскіе отзывы о крестьянскомъ судѣ“, изъ которой, по предмету отношенія простого народа къ кассаціи приговоровъ, приводимъ слѣдующее мѣсто:

управленія, наблюдаемое въ дѣйствительности, не исчерпывается вышеуказанными причинами, а зависитъ отъ многихъ другихъ условій, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ общая деморализація крестьянской массы, отражающаяся и на судьбѣ волостного суда.

Одни волостные суды, злоупотребляя ввѣреннымъ имъ правосудіемъ, злоупотребляя, въ качествѣ безапелляціонной инстанціи, довѣріемъ законодательства, обратили свой судъ въ явную и тайную, доводимую на практикѣ до замѣчательнаго цинизма, тор-

---

„Нынѣшній порядокъ кассаціонный признается совершенно непригоднымъ и недостигающимъ цѣли. По словамъ московской (земской) комиссіи, „кассаціонный порядокъ для крестьянъ представляется совершенно непонятнымъ. Всѣ жалобы, которыя приносятся ими на рѣшенія волостныхъ судовъ, касаются не нарушенія обрядностей и формъ дѣлопроизводства, но самого существа дѣла. Съ другой стороны, тотъ же опытъ показалъ, что въ такого рода дѣлахъ и тѣ учрежденія, которыя разсматриваютъ жалобы, не всегда могутъ отрѣшиться отъ мысли затронуть дѣло по существу, и хотя рѣшенія ихъ и облекаются въ форму, присвоенную рѣшеніямъ кассаціоннымъ, но весьма часто въ мотивахъ проскальзываетъ разбирательство дѣла по существу“ („Рус. Вѣд.“ 1885 г., № 23).

Прим. автора.

говлю правосудіемъ, со всѣми ея тлетворными послѣдствіями, работая большею частью на карманъ волостного писаря или старшины, за что и сдѣлались предметомъ общественнаго осужденія. Другіе суды, отправляющіе правосудіе въ болѣе исправномъ видѣ, испытывая, прежде всего, затрудненія въ дознаніи реальной правды, т. е. факта тяжбы или преступленія, ищутъ для себя точки опоры въ томъ матеріалѣ, который раскрывается предъ ними въ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Но если, при распущенности крестьянской массы, при упадкѣ въ ней нравственныхъ и религіозныхъ началъ, что составляетъ черту послѣдняго времени, изъ ея среды сплошь и рядомъ выдѣляются свидѣтели, не стѣсняющіеся, вслѣдствіе подкупа, давать ложныя показанія, съ нарушеніемъ даже святости клятвенной присяги, въ общихъ судахъ, по преимуществу мировомъ, во всякомъ случаѣ, пользующимися ея большимъ уваженіемъ и угрожающими серьезною отвѣтственностью; то тѣмъ болѣе нѣтъ нужды крестьянской массѣ церемониться съ своимъ домашнимъ судомъ, не пользующимся ея уваженіемъ и не угрожающимъ никакою отвѣтственностью, гдѣ ложныя показанія, какъ и правдивыя, пользуются одинаковымъ правомъ обращенія ходячей монеты. Суду, ищущему фактической правды, повторяемъ, весьма трудно оріенти-

роваться въ томъ сумбурѣ, который исходитъ изъ устъ тяжущихся сторонъ и свидѣтелей, стоящихъ внѣ всякой дисциплины, такъ что народное правосудіе съ этой стороны дѣлается невинною жертвою общей деморализаціи крестьянства.

Одни волостные суды послѣдней категоріи, балансируя на свидѣтельскихъ показаніяхъ, впадаютъ въ лишній формализмъ, придавая, въ ущербъ правосудію, этого сорта „доказательствамъ“ большее значеніе, чѣмъ сколько они заслуживаютъ, располагаясь къ тому частью авторитетнымъ примѣромъ практики общихъ судовъ, по преимуществу ближе знакомаго крестьянству мирового суда, совершенно подчинившаго себя формализму свидѣтельскихъ показаній, на которыхъ обыкновенно выѣзжаютъ тяжущіяся стороны,—частью тѣмъ обстоятельствомъ, что свидѣтельскія показанія, какъ и поясненія сторонъ, по заведенному здѣсь установленію, вопреки 105 и 108 ст. общ. полож., узаконяющихъ словесное судопроизводство, записываются писаремъ въ „книгу“, что, впрочемъ, дѣлается крайне обще и небрежно, такъ какъ иначе и нѣтъ возможности съ точностью записать то, что выбалтывается крестьянами, тѣмъ болѣе словоохотливыми крестьянками, на своемъ судѣ. Другіе суды и даже одни и тѣ же въ другихъ случаяхъ, напротивъ, въ не меньшій ущербъ правосудію, пренеб-

регаютъ свидѣтельскими показаніями, ради своего безотчетнаго произвола и даже нѣкотораго самодурства, такъ что практика волостныхъ судовъ, не имѣя подъ собой прочной почвы, въ то же время чужда всякой однородной и опредѣленной системы, яркою иллюстраціею къ чему отчасти служатъ мѣстные ходячіе разсказы и анекдоты о курьезныхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, постановленныхъ на всевозможные лады.

Какъ на другія условія, не позволяющія волостному суду пустить корни въ народную жизнь, не можемъ не указать на то безсиліе, на которое онъ обреченъ въ предѣлахъ своего вѣдомства, и на безсиліе въ предѣлахъ предоставленной ему власти.

Источникомъ перваго безсилія служитъ наше законодательство, встрѣтившее видимыя затрудненія въ устройствѣ народнаго суда. Судъ есть собственно государственная функція, къ отправленію которой всегда призываются лица съ извѣстнымъ цензомъ, дѣйствующія въ предѣлахъ извѣстной регламентаціи и подъ извѣстнымъ контролемъ. Ввѣряя судъ народному самоуправленію, тѣмъ болѣе судъ свободный, неограниченный, стоящій внѣ контроля и апелляціи, законодательство, понятнымъ образомъ, не вполнѣ могло положиться на крестьянскую массу, составляющую въ лицѣ своихъ избранниковъ судъ, и чтобы уменьшить грани-

цы зла, которое неизбѣжно давало себя предвидѣть отъ неумѣнья массы справиться съ своею задачею и возможнаго злоупотребленія правосудіемъ, законодательство весьма ограничило карательную компетенцію волостного суда. Такая мѣра, требовавшаяся государственною мудростью, какъ несогласная съ нравственнымъ строемъ вещей общества, оказалась противъ самого правосудія. Такіе факты, нарушающіе нравственную и соціальную гармонію жизни, которые мы называемъ преступленіями, вызываютъ противъ себя соотвѣтствующее противодѣйствіе со стороны закона и общества. Есть потому своя лѣстница преступленій, которой отвѣчаетъ своя лѣстница наказаній; есть двѣ лѣстницы наказаній: государственная, или юридическая, и общественная, т. е. выражающаяся въ свободномъ приговорѣ общественнаго мнѣнія. Если совершено, напр., убійство, то общество, обыкновенно въ порывѣ негодованія, требуетъ немедленной смертной казни надъ преступникомъ, между тѣмъ какъ судъ, согласно закону, присуждаетъ его въ каторгу. Въ обществѣ, какъ и государствѣ, такимъ образомъ, стоящемъ на извѣстномъ гражданскомъ и культурномъ уровнѣ, всякое преступленіе разсматривается какъ извѣстная величина, которой, по закону справедливости, противопоставляется равная величина возмездія, и въ этомъ состо-

итъ актъ правосудія. Законодательство внѣ обще-государственнаго юридическаго строя допустило особенную, локализированную лѣстницу народныхъ проступковъ, которую и подчинило юрисдикціи волостного самоуправленія, *для примѣненія къ нимъ своей общественной лѣстницы наказаній*, т. е. по опредѣленію разума и совѣсти простого народа. А между тѣмъ, законодательство, исходя изъ указанныхъ побужденій, слишкомъ укоротило эту лѣстницу, ограничивъ ея короткими, тѣсными рамками, безъ всякаго соображенія съ сравнительно болѣе обширною, соотвѣтствующею ей, естественною лѣстницею народныхъ проступковъ, чѣмъ и нарушило равновѣсіе между преступленіемъ и наказаніемъ. По 102 ст. общ. полож., волостной судъ вправѣ приговаривать виновныхъ крестьянъ: *къ общественнымъ работамъ до 6-ти дней, или къ денежному взысканію до 3-хъ руб., или же къ аресту до 7-ми дней, или, наконецъ, къ тѣлесному наказанію до 20-ти ударовъ розгами.* Но очевидно, что на лонѣ сельской крестьянской жизни могутъ создаваться преступленія, которыя, подъ глухимъ названіемъ *маловажныхъ проступковъ* (ст. 101), подвѣдомы волостному суду, но которыя, по закоснѣлому участію въ нихъ злой человѣческой воли, по своему безнравственному свойству, по производимому ими соблазну и вреду въ общежитіи, поражающія

своимъ злодѣйствомъ и звѣрствомъ (таковы: разновидныя кражи, возмутительные разбои, совершаемые нерѣдко и надъ женщинами, душенія и варварскія увѣчья чужого скота и аграрнаго свойства: умышленныя дневныя и ночныя потравы чужихъ посѣвовъ и проч.), вовсе не маловажны и съ общей здравой точки зрѣнія, на которой стоятъ наше законодательство и образованное общество, и, наконецъ, по признанію самого народа, призваннаго быть судьею надъ этими проступками, требуютъ большей вмѣняемости, чѣмъ таковая дается вышеуказанною укороченною лѣстницею наказаній. Вслѣдствіе несоотвѣтствія между судебною компетенціею волостного суда, въ смыслѣ вѣдѣнія этихъ проступковъ, и его карающею компетенціею происходитъ, такимъ образомъ, рѣзкое несоотвѣтствіе, въ корнѣ подрывающее правосудіе, между преступленіемъ и наказаніемъ,—чѣмъ оказывается вредное, расшатывающее вліяніе на нравственно-правовый строй понятій простого народа, при строгости (замѣтно, впрочемъ, упадающей) своихъ нравовъ, отличающагося строгостью взысканій за свои проступки. На практикѣ, кромѣ того, могутъ встрѣчаться разныя несообразности. Возьмемъ, напримѣръ, такой случай. Если, предположимъ, одинъ дядя, хозяинъ дома, по праву отцовской опеки, за какой-нибудь проступокъ накажетъ своего племян-

ника 20 ударами розогъ, то это будетъ въ порядкѣ вещей. Но вѣдь въ другомъ домѣ можетъ случиться какъ разъ наоборотъ: племянникъ, пользуясь преимуществами своей мускульной силы, отколотитъ своего дядю-воспитателя и домохозяина, за каковой проступокъ, по приговору суда, онъ наказуется 20-ю ударами розогъ, или соотвѣтствующимъ арестомъ. Именемъ закона какъ будто дается понять простому народу, что проступокъ второго племянника, побившаго своего дядю, не важнѣе проступка перваго племянника, понесшаго строгое, но справедливое отеческое наказаніе... Отсюда понятно то неестественное, фальшивое положеніе, въ которомъ находится волостной судъ, какъ самостоятельный народный трибуналъ, закованный въ тѣсныя бюрократическія рамки *).

---

*) Этотъ юридическій парадоксъ, поражающій своимъ абсурдомъ, конечно, не могъ не обратить на себя вниманія нашихъ земствъ, изъ коихъ одно, именно хорольское уѣздное земское собраніе, высказалось по этому поводу довольно энергически. Это земское собраніе въ заявленіи, подписанномъ пятью гласными казаками, говоритъ, между прочимъ, что крестьяне придумываютъ обходы, увеличиваютъ иски, чтобы, перенесеніемъ дѣла въ другую инстанцію, избѣжать волостного суда. „Не странно ли, продолжаютъ гласные, что защитою своихъ законныхъ правъ подданные одного и того же государства пользуются

Волостной судъ больше остается созерцателемъ народныхъ проступковъ, чѣмъ карателемъ ихъ, даже въ предѣлахъ предоставленной ему власти, что зависитъ отъ совокупности тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ практика волостныхъ судовъ, сбитая съ толку, даже въ противность собственнымъ убѣжденіямъ судей, отпускаетъ наказанія въ аптекарскихъ дозахъ, что обращаетъ волостной судъ, справедливо осмѣиваемый общественнымъ мнѣніемъ, въ какую-то каррикатуру надъ правосудіемъ. Волостные суды, исходя изъ пропорціональнаго отношенія, какое существуетъ между установленною общимъ положеніемъ лѣстницею наказаній и соотвѣтствующею ей лѣстницею народныхъ проступковъ, и руководствуясь этимъ соотвѣтствіемъ, какъ юридическимъ масштабомъ, установленнымъ правитель-

---

не равномѣрно. Не аномалія ли это? Крестьянинъ крадетъ у другого 30 пудовъ хлѣба—послѣднія его средства въ жизни,—его судитъ волостной судъ и наказываетъ 7-ю днями ареста; тотъ же крестьянинъ крадетъ пудъ хлѣба у лица другаго сословія,—его судитъ мировой судья и наказываетъ 6-ю мѣсяцами тюрьмы. Гдѣ же справедливость? Развѣ имущество еврея, мѣщанина и т. п. для нихъ дороже, нежели для крестьянина его имущество? („Земскіе отз. о крест. судѣ“, В. Скалона, „Рус. Вѣдом.“ 1885 года, № 21). *Прим. автора.*

ствомъ для опредѣленія вмѣняемости проступковъ, имѣютъ обыкновеніе за важные проступки назначать сравнительно ничтожныя наказанія, имѣя въ виду, что maximum'у наказаній долженъ соотвѣтствовать maximum проступковъ, укладывающихся въ упомянутой лѣстницѣ. Затѣмъ на суды не мало вліяютъ и такія обстоятельства, какъ гнетъ общественнаго мнѣнія, огульно осуждающаго ихъ приговоры, боязнь подвергнуться новому неудовольствію со стороны подсудимыхъ, подающихъ жалобы начальству; наконецъ, неувѣренность въ себѣ, неувѣренность въ своей нравственной правоспособности (здѣсь нужно искать объясненіе того, почему судьи, вмѣсто личнаго убѣжденія, хватаются за чужое мнѣніе, высказанное писаремъ или старшиною), неувѣренность въ вѣрности дознаннаго факта, утверждаемаго одною стороною и отрицаемаго другою съ ихъ свидѣтелями. Идея нравственнаго и гражданскаго долга слишкомъ смутно сознается крестьянствомъ, чтобы служить оплотомъ противъ того смущенія, которое овладѣваетъ судьями и прочими должностными лицами, при исполненіи ими своихъ обязанностей. Въ поясненіе сказаннаго приводимъ слѣдующій примѣръ, взятый съ натуры. Предъ стриговскимъ волостнымъ судомъ однажды фигурировали два брата племянника, молодые парни, одинъ изъ нихъ почти еще

мальчикъ: оба обвинялись въ жестокомъ избіеніи своего дяди, хозяина дома, показавшаго суду и знаки на тѣлѣ, причемъ свидѣтели и въ томъ числѣ старшина, которому тотчасъ пожаловался пострадавшій, показали, что видѣли послѣдняго обагреннымъ кровью. Волостной судъ, признавъ обоихъ племянниковъ виновными, приговорилъ старшаго къ 10-ти, а младшаго къ 5-ти ударамъ розгами. Подсудимые, слѣдуя общему обыкновенію, подали апелляціонныя жалобы съѣзду и приговоръ остался безъ исполненія. Очевидно, что если бы волостной судъ располагалъ правомъ наказанія розгами, по меньшей мѣрѣ, до 100 ударовъ, то назначилъ бы, даже при наличности другихъ неблагопріятствующихъ условій, обоимъ подсудимымъ по нѣскольку десятковъ ударовъ, что болѣе отвѣчало бы требованіямъ народнаго правосудія и патріархальной морали. Судъ не счелъ себя въ правѣ примѣнять къ нимъ высшую мѣру наказаній, находя, что эти проступки не изъ числа тѣхъ, къ которымъ послѣдняя должна примѣняться *).

---

*) Волостной судъ, не придавши большого значенія проступкамъ обоихъ племянниковъ, безъ сомнѣнія, находился здѣсь и подъ вліяніямъ другого, не менѣе важнаго обстоятельства—примѣромъ болѣе рѣзкой аномаліи, встрѣчающейся въ быту крестьянства, съ чѣмъ свыкается деревня: фактовъ побіенія

Въ крестьянскомъ быту нормальное теченіе жизни, при грубости нравовъ и физической загрубѣлости крестьянской натуры, всегда нарушается рѣзкими грубыми фактами, и потому является естественный спросъ на равнодѣйствующій отпоръ имъ. Между тѣмъ, судъ ретируется предъ этимъ спросомъ, ретируется предъ задачею, которую ставитъ ему въ упоръ логика жизни, чѣмъ вызываетъ противъ себя раздраженіе массы, требующей всегда строгаго, репрессивнаго на-

---

взрослыми дѣтьми своихъ родителей и безнаказанности этого преступленія. Законъ, въ виду важности послѣдняго, безъ различія сословій, подчинилъ его общимъ судебнымъ установленіямъ, чѣмъ способствовалъ совершенной ненаказуемости этого преступленія въ крестьянскомъ быту. Дѣло въ томъ, что ни одинъ крестьянинъ-отецъ, ни одна крестьянка мать, во-первыхъ, по свойству своего родительскаго сердца, не рѣшатся «губить», какъ выражается простой народъ, свое дитя отдачею его подъ судъ; не рѣшатся, во-вторыхъ, потому, что „губя“ сына, они вмѣстѣ „губятъ“ и себя, лишаясь въ немъ работника и зачастую хозяйственной опоры; втретьихъ, потому, что въ такомъ преслѣдованіи не видятъ проку, а напротивъ, ожидаютъ отъ него большаго вреда, такъ какъ сынъ, отвѣдавши тюрьму и общество арестантовъ, по возвращеніи въ семью, станетъ «горшимъ», и вчетвертыхъ, вслѣдствіе продолжительности самой процедуры, связанной съ волокитствомъ, къ чему питаетъ

казанія. Чтобы вынудить судъ на уступки въ этомъ направленіи, истцы прибѣгаютъ къ искусственнымъ пріемамъ, вступаютъ какъ бы въ торгъ съ судьями, чрезмѣрно увеличивая свои претензіи, что составляетъ новую язву, довершающую затрудненія суда и деморализующую крестьянскую массу, втягивающуюся въ сутяжничество и адвокатскую фальшь. На вопросъ суда—какое испрашивается удовлетвореніе за причиненные побои, истцы обыкновенно отвѣчаютъ: 50 р.

непреодолимое отвращеніе простой народъ. Пострадавшіе (отецъ, мать, дѣдъ и проч.), подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, обыкновено пожалуются интеллигенціи, пойдутъ съ жалобами въ волостное правленіе, но отовсюду услышатъ одинъ отвѣтъ: это не наше дѣло, послѣ чего они уже никуда не идутъ. Между тѣмъ, простой народъ по этому поводу разсуждаетъ совершенно иначе: онъ домогается не того, чтобы „губить“ сына, а чтобы „проучить“ его, исправить. Очевидно, этому требованію можетъ удовлетворить только свой, патріархальный судъ. А въ чемъ требуется его содѣйствіе, на это, между прочимъ, даетъ указаніе слѣдующій примѣръ. Отецъ автора статьи, б. священникъ одного прихода Гродн. губ., былъ человѣкъ патріархально-строгій и этого было достаточно, чтобы крестьяне обращались къ нему съ жалобами, вовсе ему неподвѣдомыми. Однажды, въ срединѣ 60-хъ годовъ, къ нему явился одинъ умный, всѣми уважаемый крестьянинъ, бывшій старшина, и

и упорно настаиваютъ на этой суммѣ, которою они домогаются удовлетворить себя за обиду, соединенную нерѣдко съ утратою рабочихъ дней вслѣдствіе леченія (въ деревняхъ ни одни побои почти не обходятся безъ этого дѣйствительнаго или мнимаго леченія, причемъ берется и врачебное свидѣтельство отъ сельскаго фельдшера). Судъ, по установленной рутинѣ, приговариваетъ отвѣтчика къ уплатѣ истцу 3 руб., на каковой приговоръ обѣ стороны (вторая сто-

---

со слезами на глазахъ пожаловался на своего сына, недавно предъ тѣмъ взносомъ платы выкупленнаго имъ отъ рекрутчины, пожаловался на то, что послѣдній избилъ его. Строгій священникъ, выслушавъ жалобу, обѣщалъ буйнаго сына подвергнуть церковному покаянію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и попрекнулъ отца въ слабости, совѣтуя ему немедленно исправить свою ошибку. Крестьянинъ-отецъ, слѣдуя совѣту священника, по возвращеніи домой, испросивъ содѣйствія сельскаго старосты и сосѣдей, на своемъ дворѣ отсчиталъ своему сыну сто ударовъ розгами. Послѣ того крестьянинъ не переставалъ благодарить священника за открытое ему вѣрное средство—исправить сына.

Едва-ли нужно говорить о томъ, какъ при безнаказанности такого противуестественнаго и противунравственнаго преступленія, падаетъ въ крестьянской средѣ авторитетъ родительской власти, составляющей основу семьи. *Прим. автора.*

рона, очевидно, исходитъ изъ мотива такъ называемаго встрѣчнаго иска) изъявляютъ неудовольствіе. Точно также. въ такихъ же искусственно - преувеличенныхъ размѣрахъ предъявляются гражданскіе иски, получающіе отъ суда, между тѣмъ, миніатюрное удовлетвореніе.

Установленныя закономъ мѣры взысканія хотя и отвѣчаютъ современнымъ политическимъ и гражданскимъ правамъ крестьянскаго сословія, но въ дѣйствительности не отвѣчаютъ низкому культурному уровню, нравамъ и быту того же сословія. „Благородныя“ мѣры взысканія, отпускаемыя притомъ въ миніатюрныхъ дозахъ, оказываются недѣйствительными для неразвитой, грубой и къ тому же испорченной крестьянской массы, чѣмъ отнимается матеріальная сила у мѣстнаго правосудія. Первыми тремя видами наказаній (назначеніемъ на общественныя работы, денежнымъ штрафомъ и арестомъ), очевидно, предполагается произвесть импонирующее дѣйствіе на нравственную природу крестьянина ограниченіемъ его свободы и интереса. Но если принять во вниманіе, что личность крестьянина, живущая въ массѣ и находящаяся въ вѣчной зависимости отъ своего труда, располагаетъ весьма ограниченнымъ идеаломъ свободы, который сводится къ тому, чтобы оторваться отъ труда, провесть время въ гульбѣ и бездѣй-

ствіи, что и дѣлается ею по праздникамъ, то отсюда и будетъ понятнымъ—какимъ малоустрашающимъ наказаніемъ для крестьянина является заключеніе его подъ арестъ, въ такъ называемую „холодницу“, проспаться въ которой двое сутокъ не составляетъ для него ощутительной разницы отъ того случая, когда онъ спитъ у себя дома по праздникамъ, послѣ похмѣлья. Сами подсудимые, когда ихъ приговариваютъ къ этому наказанію, смѣются. Столь же недѣйствительно и назначеніе на общественныя работы, которое, впрочемъ, и не примѣняется здѣсь практикою, за неимѣніемъ постоянно таковыхъ въ волостяхъ. Штрафъ—наказаніе противное духу нашего простонародья и потому не терпимое имъ. Штрафъ, равно какъ и денежныя взысканія, какъ бы ни были основательны съ объективной точки зрѣнія, всегда вызываютъ ожесточенный и упрямый протестъ крестьянской натуры. Явленіе это можно объяснить психологически, если принять во вниманіе, что крестьянинъ нашъ, по условіямъ своего быта, ведетъ постоянную, ожесточающую его борьбу съ различными физическими и людскими бѣдствіями (неурожаями, жучками, истребляющими посѣвы, пожарами, потравами, конокрадствомъ, міроѣдствомъ и пр.), уничтожающими его матеріальное добро, пріобрѣтаемое тяжелымъ трудомъ въ потѣ лица. Штрафъ

и денежныя взысканія, стало быть, относятся къ одному и тому же разряду впечатлѣній, пробуждающихъ въ немъ сильныя непріятныя чувствованія: Отсюда и объясненіе того тупаго упрямства, съ которымъ крестьяне имѣютъ обыкновеніе, вопреки очевиднымъ доводамъ разсудка, въ явный ущербъ себѣ, уклоняться отъ платежа исковъ и, наконецъ, прогоняютъ отъ себя судебнаго пристава... Насколько эти наказанія становятся недѣйствительными и даже отчасти вредными (арестъ располагаетъ къ лѣни, штрафъ ожесточаетъ крестьянина), настолько же они оказываются несправедливыми и неудобопримѣнимыми въ крестьянскому быту. Дѣло въ томъ, что центръ тяжести этихъ наказаній, не ограничиваясь индивидомъ, навлекшимъ ихъ на себя, распространяется на его семью, на его домъ, который, съ ограниченіемъ свободы своего члена, лишается въ немъ рабочихъ рукъ, а вслѣдствіе наложенія на него штрафа—заработковъ, добываемыхъ коллективными руками дома. Крестьянская семья, нужно имѣть въ виду, въ отличіе отъ семьи другихъ общественныхъ классовъ, при внѣшней солидарности своихъ экономическихъ интересовъ, въ большинствѣ случаевъ, не отличается, вслѣдствіе сплоченія въ ней разнородныхъ семейныхъ и родственныхъ элементовъ, нравственною между собою солидарностію, „еди-

неніемъ духа въ союзѣ мира и любви",— здѣсь то и подготовляется вулканическая почва для такъ называемыхъ семейныхъ раздѣловъ *).

Наиболѣе дѣйствительнымъ, наиболѣе импонирующимъ, отвѣчающимъ низкой ступени развитія, нравамъ и быту сельскаго простонародья, наказаніемъ является—horribile dictu—тѣлесное. Этимъ наказаніемъ нѣкогда поддерживалась дисциплина крѣпостного права, а потому, съ отмѣною послѣдняго, была реакція противъ самого наказанія. По той роли, которую оно играло въ ту эпоху, въ немъ видѣлось наказаніе барское, помѣщичье, а потому, съ освобожденіемъ на-

*) На неудобопримѣнимость этихъ наказаній, съ точки зрѣнія экономическаго быта крестьянъ, указывали и нѣкоторыя земства. Орловская земская комиссія, напримѣръ, высказалась, что „денежный штрафъ или арестъ въ рабочую пору падаетъ столько же на семью обвиняемаго, сколько на него самого; если же обѣ стороны принадлежатъ къ одному двору, особенно когда обвинителемъ является домохозяинъ, то отъ примѣненія этихъ наказаній обвинитель терпитъ, пожалуй, болѣе обвиняемаго, и въ такихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе есть единственная мѣра, поражающая лично одного виновнаго („Зем. отз. о крестьянскомъ судѣ", В. Скалона, „Рус. Вѣд." 1885 года, № 23). *Прим. автора.*

рода отъ помѣщичьей власти, освободили его и отъ этого наказанія, какъ лишняго и не отвѣчающаго новымъ правамъ состоянія крестьянства. Много высказывалось и по сію пору продолжаетъ высказываться красивыхъ либеральныхъ фразъ противъ этого наказанія, позорящаго достоинство человѣческой личности, притупляющаго ея нравственныя чувства и пр. Но если это наказаніе имѣетъ за собою печальную извѣстность, раздѣляемую съ темною эпохою крѣпостного права, не только широко употреблявшаго его, но и злоупотреблявшаго имъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это наказаніе не лишено своего универсальнаго значенія, какъ педагогическая и дисциплинарная мѣра, на которой во всѣ вѣка, въ извѣстномъ возрастѣ, воспитывалось человѣчество. Переставъ быть помѣщичьимъ наказаніемъ, оно не перестало быть народнымъ. Простой народъ видитъ въ этомъ наказаніи единственное палліативное средство, которымъ онъ въ состояніи врачевать свои домашнія язвы, и потому, съ устройствомъ его быта на народническихъ началахъ, не слѣдовало бы отнимать у него этого средства и въ замѣнъ того вооружать его самоуправленіе картоннымъ мечемъ. Что простой народъ, по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ краѣ, дѣйствительно высказывается за это наказаніе, въ тѣ случаи, когда онъ самъ за себя

говоритъ, а не за него говорятъ, это, между прочимъ, видно по слѣдующимъ наблюденіямъ.

Волостные судьи, во время своихъ совѣщаній, высказываютъ часто сожалѣніе, что не могутъ примѣнить къ подсудимому тѣлеснаго наказанія, и, махнувъ обыкновенно рукою на свой приговоръ, иронически обращаются къ писарю: „пишите—въ холодницу на трое сутокъ, что-ли?“ Въ исторической практикѣ крестьянскаго самоуправленія выдѣлились два типа волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Въ отличіе отъ нынѣшнихъ легальныхъ старшинъ, являющихся, въ глазахъ крестьянской массы, не больше, какъ чиновниками-распорядителями и исполнителями, относящимся вяло, спустя рукава, къ самоуправленію, первый типъ, болѣе живой и народный, наблюдается въ первые годы крестьянскаго самоуправленія, въ эпоху недоразумѣній, когда всякій понималъ свои права и обязанности по своему. Первые волостные старшины былъ народъ дѣятельный, чинившій свой судъ и расправу и отличавшійся при этомъ безпощадностью экзекуціонной расправы, примѣнявшейся ими въ широкихъ размѣрахъ. Разсказываютъ объ одномъ изъ такихъ старшинъ, бывшемъ грозою волости, употребившемъ однажды характерную расправу по слѣдующему поводу: узнавъ, что одинъ крестьянскій сынъ поколотилъ своего отца,

старшина является къ нимъ на домъ и приказываетъ сыну читать „Десять заповѣдей господнихъ“; когда же послѣдній, исполняя грозное требованіе старшины, дошелъ до 5-й заповѣди, старшина приказалъ схватить его и отсчиталъ ему, при своихъ отеческихъ наставленіяхъ, 50 ударовъ розгами... Народный типъ сельскаго старосты сложился примѣнительно къ бытовымъ особенностямъ деревни. Деревенскіе ребятишки и парни составляютъ особый контингентъ „аркадскихъ гражданъ“, на попеченіи котораго, въ теченіе лѣтняго сезона, съ весны до осени, остаются скотъ и все то, что растетъ на полѣ. По нерадѣнію и оплошности пастуховъ, остающихся обыкновенно при своихъ занятіяхъ безъ всякаго присмотра, скотъ часто дѣлаетъ потраву на поляхъ и лугахъ, помежъ которыхъ онъ пасется, что, понятно, влечетъ за собою споры и тяжбы, разбирательствомъ которыхъ, въ теченіе лѣтняго сезона, по преимуществу, и заняты волостные суды. Тяжбы собственно возникаютъ изъ за имущественнаго ущерба, причиненнаго скотомъ, но за невозможностью точнаго опредѣленія участія даннаго скота въ потравѣ, слѣды которой обыкновенно бываютъ раньше отъ другого скота, дѣлавшаго потраву, за невозможностью точнаго опредѣленія убытка, падающаго на отвѣтственность хозяина скота, и при наличности такихъ

условій деревенскаго общежитія, при которыхъ рѣдкій хозяинъ въ указанномъ отношеніи не бываетъ повиненъ предъ другимъ хозяиномъ, на каковое обстоятельство тотчасъ и дѣлается взаимная ссылка,—исковыя тяжбы, вслѣдствіе такихъ комплекацій, переходятъ въ ожесточенныя ссоры и распри между собою домохозяевъ и ихъ семействъ. Контингентъ деревенскихъ пастуховъ, стало быть, отсюда имѣетъ вліяніе не только на экономическую, но и на житейскую сторону сельскаго быта, обусловливая здѣсь до нѣкоторой степени миръ и согласіе. Отсюда самою жизнью выдвинута потребность—имѣть надзоръ за пастухами, держать ихъ въ извѣстной дисциплинѣ. Лучшіе представители сельскаго общества, въ должности старостъ, идя на встрѣчу такой потребности, иногда берутъ на себя эту обязанность, что на практикѣ выражается тѣмъ, что сельскій староста, взявъ съ собою пучекъ розогъ, обходитъ общественныя поля и, если застаетъ на нихъ чей-нибудь скотъ, дѣлающій потраву, тутъ же производитъ сѣкуціонную расправу надъ пастухами. Такіе сельскіе старосты, встрѣчающіеся въ настоящее время, впрочемъ, весьма рѣдко, пользуются большою признательностью сельскаго общества, надолго остаются въ немъ популярными, такъ что крестьяне имѣютъ обыкновеніе хвалиться подобными старостами въ

предпочтеніе тѣмъ, которые остаются при однѣхъ своихъ оффиціальныхъ обязанностяхъ. Между тѣмъ, такого рода дѣятельность старостъ, при той очевидной пользѣ, которую они приносятъ деревнѣ, оберегая ея экономическіе интересы и устраняя поводы къ тяжбамъ и ссорамъ, съ точки зрѣнія оффиціальнаго міра, руководствующагося дѣйствующими положеніями, признается не только нелегальною, но и преступною, такъ что старосты рѣшаются на этотъ подвигъ, лишь при дѣятельномъ сочувствіи всего деревенскаго общества, въ томъ числѣ и интеллигентнаго, обѣщающаго ихъ выручить изъ той бѣды, въ которую они могутъ попасть за свои самосправы.

Съ теченіемъ времени, при потокѣ деморализаціи, охватившемъ крестьянскую массу, при упадкѣ въ ней уваженія къ чужой собственности, помимо неумышленной потравы, съ которою только одною прежде считались, возникъ особый видъ аграрнаго преступленія—умышленная пастьба скота на чужихъ посѣвахъ и лугахъ, что́ дѣлается не только днемъ, большею частью по утрамъ, но и ночью. Это аграрное воровство, производящее страшныя опустошенія на поляхъ и пастбищахъ и приводящее въ отчаяніе хозяевъ, практикуется по преимуществу въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ недостатка подножнаго корма, и

имъ занимаются одинаково какъ пастухи, такъ и сами хозяева, норовящіе попользоваться насчетъ своего сосѣда, либо арендатора имѣнія. Въ селѣ Стриговѣ произошелъ такой эпизодъ, представляющій мѣткую характеристику положенія вещей въ вышеописанныхъ отношеніяхъ. Два крестьянина - хозяина, замѣтивъ, что на ихъ посѣвахъ, какъ и на сосѣднихъ съ ними, кѣмъ-то ночью пасется скотъ, рѣшились ночью устроить засаду, которая привела къ слѣдующимъ результатамъ. Въ полночь (въ половинѣ мая 1884 г.) два здоровенныхъ мужика пригнали нѣсколько воловъ и пасли ихъ на пшеницѣ, какъ вдругъ были настигнуты засадчиками: оба негодяя убѣжали, покинувъ свой скотъ на полѣ, который и былъ задержанъ. На разсвѣтѣ другими хозяевами застигнуты были пастухи, допускавшіе скотъ къ потравѣ чужихъ посѣвовъ. Все село пришло въ негодованіе и потребовало немедленнаго суда и расправы какъ надъ двумя крестьянами, уличенными въ ночной потравѣ, такъ и надъ пастухами, застигнутыми въ утренней потравѣ. Всѣ домохозяева села собрались на совѣтъ на дворѣ волостного правленія, гдѣ, такимъ образомъ, составился нелегальный сходъ, безъ участія старосты, не присутствовавшаго во избѣжаніе отвѣтственности. На этомъ сходѣ единогласно было по-

становлено: учинить самосудъ—наказать розгами двухъ крестьянъ за ночную и пастуховъ за утреннюю потраву. Однакожъ, двое упомянутыхъ крестьянъ, протестуя противъ самосуда, не явились на послѣдній, предлагая обществу вѣдаться съ ними законнымъ порядкомъ, и, издѣваясь надъ безсиліемъ общества, раздражали его угрозами, что они и впредь будутъ по ночамъ пасти скотъ на посѣвахъ и убьютъ того, кто будетъ подстерегать ихъ ночью. Приговоръ былъ исполненъ только относительно пастуховъ, которые, въ числѣ 5-ти человѣкъ, несовершенно-и совершеннолѣтнихъ, были наказаны на глазахъ схода, розгами не свыше 20-ти, ударовъ. Для сужденія о двухъ болѣе виновныхъ крестьянахъ, не подчинившихся самосуду, и принятія мѣръ противъ зла рѣшено собраться на легальный сходъ. Энергическая публичная расправа надъ пастухами встрѣчена была весьма сочувственно мѣстнымъ земледѣльческимъ и интеллигентнымъ обществомъ, съ большою похвалою отозвавшимся объ этомъ поступкѣ нелегальнаго схода, причемъ всѣми говорилось, что если бы подобныя мѣры чаще повторялись, то крестьянская молодежь не была бы такъ распущена, какъ она есть. Черезъ два дня, подъ предсѣдательствомъ старосты, собрался въ волостномъ правленіи легальный сельскій сходъ, постановившій: двухъ вышеупомяну-

тыхъ крестьянъ, за ночную пастьбу скота на чужихъ посѣвахъ и произнесенныя возмутительныя угрозы, предать волостному суду для наказанія розгами, а въ случаѣ троекратнаго повторенія кѣмъ-либо такого проступка, того, послѣ преданія каждый разъ волостному суду, исключать изъ общества и ссылать въ Сибирь (приговоръ стриговскаго сельскаго схода отъ 18-го мая 1884 г.). Между тѣмъ, вскорѣ послѣ расправы надъ пастухами, сельскимъ обществомъ овладѣла паника, вслѣдствіе распространившихся тревожныхъ слуховъ, что за эту расправу всѣхъ отдадутъ подъ судъ и посадятъ въ тюрьму. Въ то время, когда сельскій сходъ разсуждалъ указаннымъ образомъ о мѣрахъ противъ большого экономическаго и нравственнаго зла, предъ сходомъ неожиданно явился урядникъ съ портфейлемъ и заявилъ сходу, что, вслѣдствіе поступившей къ нему жалобы отъ одного пастуха, наказаннаго розгами, онъ будетъ производить дознаніе. „Вы совершили истязанія надъ людьми, что составляетъ важное уголовное преступленіе,—понимаете, что за это будетъ?—васъ всѣхъ отдадутъ подъ судъ!...“ стращалъ собраніе урядникъ, говорившій съ своей точки зрѣнія правду. Сходъ возразилъ, что онъ не усматриваетъ въ дѣйствіяхъ стриговскаго общества ни истязанія, ни уголовнаго преступленія, а просто это была до-

машняя мѣра съ цѣлью напугать пастуховъ, вызванная необходимостью, такъ какъ иначе нельзя было съ ними поступить. Между урядникомъ и сельскимъ сходомъ, такимъ образомъ, возникли пререканія, продолжавшіяся и на другой день, когда утромъ явился урядникъ въ волостное правленіе, собравъ туда всѣхъ домохозяевъ села, для снятія съ нихъ допросовъ и составленія протокола. Дѣло, однакожъ, окончилось благополучно. Одинъ изъ пастуховъ, пожаловавшійся уряднику, видя противъ себя раздраженіе общества, просилъ жалобу его оставить безъ послѣдствій, по каковому случаю и составленъ былъ примирительный протоколъ. Крестьяне, тѣмъ не менѣе, и по сію пору остаются въ убѣжденіи, что не будь этой случайности, спасшей ихъ отъ бѣды, имъ бы пришлось быть отданными подъ судъ и сидѣть въ тюрьмѣ... Что же касается до постановленнаго вышеизложеннаго приговора сельскаго схода, то онъ никѣмъ не приводился въ исполненіе: волостному суду, по этому приговору, указанныхъ въ немъ лицъ никто не предавалъ, потому что это дѣло мертвое и формальное, никто не видитъ въ томъ проку, а сельское общество, будучи довольно, что само избавилось отъ бѣды, махнуло рукою на эту затѣю, какъ это дѣлаетъ оно и каждый разъ, когда требуется что-

нибудь предпринять въ установленномъ, формальномъ порядкѣ.

Двумъ однороднымъ дѣламъ, такимъ образомъ, даны два разныя направленія, въ легальномъ и нелегальномъ порядкѣ, приведшія къ двумъ неодинаковымъ результатамъ. Два крестьянина, привлеченные къ легальной отвѣтственности въ качествѣ аграрныхъ преступниковъ предъ сельскимъ обществомъ, оказались внѣ легальнаго суда и расправы; а сельское общество, допустившее, по требованію необходимости, нелегальную расправу надъ своими пастухами, причинявшими ему хозяйственный вредъ, само за это привлеклось къ отвѣтственности.

По единогласному свидѣтельству знатоковъ простого народа: священниковъ, волостныхъ писарей, наконецъ, крестьянъ, отправлявшихъ общественныя должности, неупотребленіе тѣлеснаго наказанія, какъ единственной мѣры, способной укрощать грубые инстинкты и порывы крестьянской массы, идущей къ своему упадку, обуздывать распущенную деревенскую молодежь, изъятую отъ всякаго воспитанія и наказанія,—неупотребленіе этого наказанія служитъ одною изъ главныхъ причинъ безсилія сельской власти и упадка нравственной дисциплины въ деревенскомъ обществѣ.

Если, однакожъ, практикою крестьянскаго

самоуправленія тѣлесное наказаніе употребляется изрѣдка, то это благодаря агитаціи, которую ведетъ мировой институтъ противъ этого наказанія, какъ крайней мѣры, допущенной законодательствомъ, влекущей за собою ограниченіе правъ по самоуправленію. Впрочемъ, вышеописанное ненормальное состояніе самоуправленія само въ себѣ заключаетъ причины, по которымъ не употребляется это наказаніе. По разсмотрѣніи одного возмутительнаго дѣла о дракѣ, стриговскій волостной судъ приговорилъ одного изъ тяжущихся къ штрафу 1 р., а другого—50 к. На нашъ вопросъ—почему судъ не примѣнилъ тѣлеснаго наказанія, какъ болѣе идущаго къ подсудимымъ и ихъ проступкамъ, судьи отвѣтили: „тѣлесное наказаніе, если мы приговоримъ, все равно не будетъ исполнено, какъ не исполнены всѣ прежніе наши приговоры съ этимъ наказаніемъ, тогда какъ штрафъ запишется по книгамъ и его поневолѣ взыщутъ“.

Тѣлесное наказаніе, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ мѣра исключительная, и совершенно справедливо, что оно не можетъ быть совмѣстимо съ гражданскими и политическими правами современнаго крестьянства. Но самою жизнью вопросъ обыкновенно ставится такъ, что наказаніе это требуется не для всего крестьянства, а для дурныхъ, испорченныхъ его элементовъ, eo ipso низ-

водящихъ себя съ той высоты, на которой de jure стоитъ все сословіе. Должна быть проведена черта, отдѣляющая лучшихъ членовъ общества отъ худшихъ. Законодательство, имѣя дѣло съ цѣлымъ сословіемъ, стоящимъ предъ нимъ въ одной параллели, не допускаетъ такого различія, если, впрочемъ, не считать введеннаго имъ ценза въ пользу освобожденія отъ этого наказанія. Таковъ, между прочимъ, гуманный законъ 27-го апрѣля 1863 г., освобождающій отъ тѣлеснаго наказанія лицъ слѣдующихъ категорій: достигшихъ 60-ти-лѣтняго возраста, непорочно отправлявшихъ общественныя должности, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, равныхъ имъ и высшихъ ихъ заведеніяхъ, и наконецъ, всѣхъ женщинъ. Цѣль законодателя, очевидно, не вполнѣ достигается, такъ какъ вообще нежелательно распространеніе этого наказанія на лучшихъ членовъ крестьянскаго общества и помимо указаннаго ценза, что уже зависитъ отъ такта и благоразумія органовъ крестьянскаго самоуправленія. Законодательство, допустивъ тѣлесное наказаніе, какъ мѣру исключительную и терпимую, ограничиваетъ его нормою не свыше 20-ти ударовъ. Между тѣмъ, при всѣмъ извѣстной нравственной и физической грубости сельскаго простонародья, при нечувствительности худшихъ его членовъ къ моральной сторонѣ этого наказанія,

употребленіе послѣдняго въ качествѣ физическаго стимула оказывается мало чувствительнымъ въ той нормѣ, въ какой, въ доброе старое время, это наказаніе примѣнялось къ чувствительнымъ юнымъ школьнымъ организмамъ; да и самые проступки крестьянской массы, какъ мы видѣли, по своему свойству и значенію, въ своихъ рѣзкихъ проявленіяхъ, во всякомъ случаѣ, требуютъ большей вмѣняемости, большого числа ударовъ, чѣмъ сколько въ былое время отпускалось школьнику за его невинную шалость или незнаніе урока по латинской грамматикѣ. Правда, крестьянскому обществу предоставлено другое, болѣе радикальное средство—исключеніе порочныхъ членовъ изъ своей среды. Но, во-первыхъ, общество не можетъ рѣшиться на такую крайнюю мѣру, безъ предварительнаго употребленія домашнихъ исправительныхъ мѣръ, имѣя притомъ въ виду и участь ни въ чемъ неповинныхъ семействъ, да и самые, во-вторыхъ, проступки, въ большинствѣ случаевъ, такого рода, что требуютъ большаго взысканія, чѣмъ небольшой штрафъ, небольшой арестъ, небольшое число ударовъ розгами, и меньшаго, чѣмъ ссылка въ Сибирь, употребленіе каковой крайней мѣры уже потому представляется неудобнымъ, что изъ любой деревни пришлось бы выслать треть ея общества.

Необходимо дать большее право гражданства тѣлесному наказанію, съ расширеніемъ его объема, по крайней мѣрѣ, до 100 ударовъ; необходимо установить въ деревняхъ такъ называемый разрядъ штрафованныхъ, съ ограниченіемъ его въ правахъ по самоуправленію, подобно тому, какой установленъ въ арміи, необходимо затѣмъ вооружить правомъ этого взысканія административную власть, какъ болѣе способную, сообразно съ обстоятельствами, дѣйствовать быстро и энергично: старшину--по отношенію къ опороченнымъ судомъ крестьянамъ, старосту по отношенію къ деревенской молодежи, занимающейся пастьбою скота.

Въ послѣднее время одно уѣздное земское собраніе (константиноградское), какъ извѣстно, постановило ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Мы затрудняемся понять, чѣмъ мотивировалось такое постановленіе, которое могло опираться или на аргументы либеральной доктрины, или на аргументы земли. Но въ первомъ случаѣ ходатайство земства, строго говоря, не будетъ земскимъ, какъ не отвѣчающее своему основанію, а во второмъ случаѣ—что же заставляетъ землю подвергать себя этому наказанію, которое волостные судьи, какъ органы земли, прислушиваясь къ ея голосу, могутъ вовсе исключить изъ сво-

его обихода. Такого рода ходатайство, впрочемъ, буде оно заслуживаетъ вниманія, можетъ быть удовлетворено только въ пользу даннаго земства, домогающагося юридической эмансипаціи своего уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія, но не представляется основанія разрѣшать вопросъ за предѣлы уѣзда, гдѣ со стороны земли изъ другихъ мѣстъ могутъ предъявляться противоположныя требованія *).

---

*) Не одно, впрочемъ, константиноградское уѣздное земство подняло голосъ противъ тѣлеснаго наказанія, за отмѣну котораго высказалось большинство вышеупомянутыхъ земскихъ комиссій, на авторитетъ которыхъ мы выше ссылались для подкрѣпленія выводовъ нашего изслѣдованія. Вотъ что говорится по этому предмету въ статьѣ г-на В. Скалона, изъ которой мы пользовались вышеприведенными цитатами: „Отмѣны тѣлеснаго наказанія, „унижающаго, по словамъ калужской комиссіи, человѣческое достоинство“ и „развращающаго крестьянское сословіе“, энергически требуютъ многія земскія собранія.“ „Само собою разумѣется, говоритъ вологодская комиссія, что если нельзя сѣчь купца, мѣщанина, то почему должно продолжать сѣченіе крестьянина“. Таврическая губернская управа находитъ отмѣну тѣлеснаго наказанія безусловно необходимою. „Трудно, говоритъ она, защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже цѣли

Въ вопросѣ о судьбѣ народной юстиціи нельзя обойти молчаніемъ такого, повидимому, посторонняго крестьянскому самоуправленію, фактора, каковымъ есть волостной писарь. Должность волостного писаря, по общему положенію, оказывается такимъ абсурдомъ, примѣра котораго не представляетъ

устрашенія, если только оно не обращается въ истязаніе". Въ сильныхъ выраженіяхъ высказывается противъ „розги" гласный острогожскаго собранія, священникъ Илія Соколовъ, находившій употребленіе этого наказанія въ крестьянской средѣ несправедливымъ, въ виду того, что другія сословія избавлены отъ него, и не достигающимъ своей цѣли, такъ какъ нравственность, по замѣчанію почтеннаго пастыря, въ простомъ народѣ можетъ быть поднята просвѣщеньемъ, а не лозою. Кромѣ орловской комиссіи, мнѣніе которой по этому предмету приведено нами выше, горячіе сторонники тѣлеснаго наказанія нашлись въ московскомъ и симбирскомъ губернскихъ собраніяхъ. Доводы ихъ сводились къ тремъ положеніямъ: 1) тѣлесное наказаніе замѣнить не чѣмъ; 2) тѣлеснаго наказанія желаютъ сами крестьяне; 3) розги не представляются наказаніемъ болѣе безнравственнымъ, чѣмъ тюрьма („Рус. Вѣдом." 1885 года, № 23).

Вышеизложенные доводы земствъ, приводимые за отмѣну тѣлеснаго наказанія, такимъ образомъ, не отличаются отъ тѣхъ, которые раньше приводились печатью, гдѣ разрѣшеніе вопроса всегда исходило

ни одно учрежденіе. Законодательство, формируя волостное самоуправленіе исключительно изъ народныхъ элементовъ, на началѣ сословной обособленности крестьянства, безъ участія другихъ сословій, отводитъ волостному писарю скромное мѣсто, призывая его къ пассивному участію въ са-

---

изъ предвзятаго, принципіознаго воззрѣнія какъ на самое наказанье, такъ и на личность крестьянина и все крестьянское сословіе, бравшіяся въ отвлеченіи. На совершенно иной точкѣ зрѣнія стоятъ сельскіе обыватели—лица какъ интеллигентнаго, такъ и крестьянскаго сословія, имѣющіе дѣло не съ абстрактною, а съ реальною личностью крестьянина, какъ она есть въ жизни, и не съ цѣлымъ сословіемъ, какъ объединяющимъ собирательнымъ понятіемъ, а съ реальною крестьянскою средою, состоящею изъ особей, существенно разнящихся между собою и не поддающихся никакому гражданскому нивелированію, и гдѣ, потому, самыя условія деревенскаго общежитія очерчиваются въ нѣсколько другомъ видѣ. Отсюда, вслѣдствіе неодинаковости познавательнаго метода, обусловливающаго неодинаковый складъ понятій, и происходитъ разногласіе по разнообразнымъ вопросамъ крестьянскаго общежитія, въ томъ числѣ и по вопросу тѣлеснаго наказанія, между общественнымъ мнѣніемъ деревни, ближе стоящимъ къ дѣйствительности, и возвышающимся надъ нимъ общественнымъ мнѣніемъ, выразителями котораго служатъ наша пресса и отчасти земства. *Прим. автора.*

моуправленіи въ качествѣ его покорнаго грамотнаго слуги. Живая дѣйствительность зло посмѣялась надъ этимъ доктринерствомъ законодательства. Волостной писарь силою вещей, въ противность отведенной ему служебной роли, сталъ представлять собою интеллектъ народнаго самоуправленія, сдѣлался „разумомъ волости", въ то время какъ главою ея остался старшина; къ нему, т. е. къ писарю, а не къ старшинѣ (бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ, но такія исключенія довольно рѣдки), перешли всѣ пружины механизма самоуправленія, дѣйствуя которыми изъ закулисъ, онъ управляетъ должностными лицами послѣдняго, какъ маріонетками на сценѣ. Оффиціальный міръ, отдаленный отъ дѣйствительности, отчасти въ томъ можетъ убѣдиться по тѣмъ разспросамъ, съ которыми волостные писаря обращаются въ ред. „Сельскаго Вѣстника", ясно указывающимъ на то, какъ активно и осмысленно обнимаются вол. писарями всѣ функціи волостного самоуправленія, повидимому, не имѣющія прямого отношенія къ ихъ скромной служебной роли,—такъ, равнымъ образомъ, и въ томъ, какъ общее положеніе сжатостью и сухостью своей регламентаціи, неясностью текста, заключающаго въ себѣ многія недомолвки, и непредусмотрѣніемъ разнообразныхъ случаевъ практики, даетъ возможность волостнымъ писарямъ, сообразно съ удоб-

ствами минуты, поворачивать механизмъ самоуправленія въ какую угодно сторону, направо и налѣво, примѣры чему представляетъ всякая волость. Общее положеніе, устраняя затѣмъ бюрократическій элементъ отъ народнаго самоуправленія, не дало должности волостного писаря бюрократической организаціи, нѣкоторымъ образомъ дисциплинирующей личность, не сдѣлало писаря чиновникомъ, каковымъ онъ въ дѣйствительности сталъ, имѣя на себѣ цѣлую канцелярію съ книгами (насчитывается ихъ 56) и дѣлами. Если бы волостной писарь имѣлъ за собою извѣстныя права и обязанности, а съ ними и сопряженную отвѣтственность, разумѣется, при болѣе широкомъ участіи его въ самоуправленіи, то, уже благодаря одной такой постановкѣ его должности, злоупотребленій за писарями стало бы сравнительно меньше, чѣмъ теперь. Отсутствіе какого бы то ни было ценза простирается до того, что для занятія этого важнаго поста, командующаго самоуправленіемъ и имѣющаго вліяніе на весь обиходъ крестьянскаго общежитія, не требуется даже грамотности, а достаточно одной полуграмотности, не требуется другихъ условій, какъ нравственныхъ гарантій личности. Отсутствіе какого бы то ни было ценза, естественнымъ порядкомъ, повлекло за собою то, что на этотъ постъ, на ряду съ благонадежными людьми,

набросились, для вылавливанія рыбы въ мутной водѣ, всякіе проходимцы и сомнительныя личности, неспособныя къ серьезному труду. Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, самая ненормальная юридическая и практическая постановка должности волостного писаря болѣе вовлекаетъ человѣка въ злоупотребленія и преступленія, чѣмъ сколько онъ самъ къ тому расположенъ по личнымъ свойствамъ своей натуры; должность эта подкашиваетъ и губитъ человѣка, какъ и должность волостного старшины. Дѣло въ томъ, что волостной писарь въ дѣйствительности не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ de jure долженъ быть, и въ то же время не долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ de facto есть. При вступленіи въ должность писарь, будь онъ человѣкъ съ самыми лучшими намѣреніями, чуждый всякаго желанія вмѣшиваться не въ свое дѣло, тотчасъ захватывается зубцами и колесами волостного самоуправленія, отводящими ему роль, созданную силою вещей, подъ непреложнымъ дѣйствіемъ которой онъ видитъ себя въ необходимости съ фонаремъ въ рукахъ освѣщать путь самоуправленію, блуждающему въ потемкахъ, и вести его за узду по этому пути; въ противномъ случаѣ механизмъ самоуправленія угрожаетъ пріостановиться и писарь вынужденъ будетъ сойти съ мѣста, чтобы уступить его другому руководителю, на котораго

является спросъ. Крестьянское самоуправленіе въ настоящемъ видѣ немыслимо безъ писаря. Волостной писарь, съ другой стороны, стоитъ лицомъ къ лицу съ самобытными отправленіями крестьянскаго самоуправленія, съ актами вопіющаго произвола и безобразія, подъ которыми фигурируетъ, облеченное юридическими правами, слѣпое невѣжество, дѣйствующее часто подъ вліяніемъ корысти, страсти или въ чаду охмелѣнія, въ противность своему прямому назначенію, постановляющее безумныя рѣшенія, надламывающія нерѣдко жизнь, семейное и имущественное достояніе простолюдина, словомъ, все то, чѣмъ опредѣляется счастіе и несчастіе человѣка въ крестьянскомъ быту. Спрашивается, можно ли требовать, чтобы волостной писарь, какъ и всякій человѣкъ, независимо отъ той или иной своей репутаціи, возвышающійся надъ данною темною средою, можно ли требовать, чтобы писарь, при такихъ условіяхъ, оставался нѣмымъ зрителемъ возмущающихъ душу картинъ безобразія и зла,—чтобы онъ, въ противность внушеніямъ своего разума, нравственнаго и религіознаго чувства, не смѣлъ своимъ вліяніемъ направить ослѣпленное невѣжество на болѣе правильный путь, чѣмъ на которомъ оно въ данную минуту стоитъ? Законъ, не предвидѣвшій во что обратится крестьянское самоуправленіе,

предоставленное самому себѣ, именно и обрекаетъ волостного писаря на такую нейтральную, нѣмую роль, ставя его въ прямое противорѣчіе съ нравственными и общественными требованіями человѣческой природы. На вопросъ одного писаря: „въ правѣ ли волостной писарь давать совѣты и указанія волостнымъ судьямъ, если онъ увидитъ, что они невѣрно понимаютъ существо дѣла или относящіеся къ дѣлу законы и вообще въ чемъ заключаются обязанности волостного писаря на волостномъ судѣ“?— редакція „Сельскаго Вѣстника“ преподала ему такой отвѣтъ: „По этому вопросу указаніемъ можетъ служить 104 ст. общ. полож., на основаніи которой не допускается вмѣшательство въ производство волостного суда даже волостного старшины и старосты. Обязанность волостного писаря на волостномъ судѣ должна заключаться только въ написаніи рѣшенія, и не его дѣло, если рѣшеніе будетъ постановлено не согласно съ закономъ, такъ какъ недовольные такимъ рѣшеніемъ могутъ жаловаться уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію. Писарь можетъ читать и разъяснять статьи закона только въ томъ случаѣ, если судъ того пожелаетъ“ *).

---

*) „Сельскій Вѣстникъ“ 1883 г., № 57, отвѣтъ редакціи: волостному писарю Самарской губ. Б—ву.

Такимъ образомъ, волостной писарь самою своею должностью и окружащею обстановкою призывается къ руководящей, активной роли въ народномъ самоуправленіи, и вопросъ только въ томъ, въ какомъ направленіи ему остается дѣйствовать. Предположимъ,что вол. писарь,человѣкъ честный и съ общественнымъ призваніемъ, будетъ руководить самоуправленіемъ, направляя его по прямому пути, будетъ давать крестьянскимъ должностнымъ лицамъ, при отправленіи ими своихъ обязанностей, благоразумные совѣты и указанія, такъ что самоуправленіе подъ его руководствомъ будетъ стоять на высотѣ своего назначенія, оправдывая намѣренія законодательства и удовлетворяя требованіямъ народа. Между тѣмъ, такой нравственно-общественный подвигъ волостного писаря будетъ ничѣмъ инымъ, какъ злоупотребленіемъ должностью, злоупотребленіемъ своимъ вліяніемъ, проступкомъ предъ закономъ. Такому писарю остается только искать себѣ нравственную поддержку въ окружающей образованной средѣ, но послѣдняя, составивши себѣ убѣжденіе по большинству примѣровъ противуположнаго свойства, не повѣрить ему и отнесется къ нему съ предубѣжденіемъ, какъ представителю своего типа. Спрашивается, возможно ли писарю устоять на высотѣ принятаго на себя нелегальнаго, преслѣдуемаго служенія добру и правдѣ, когда и за-

конъ и общество противъ него? Противоположнымъ импульсомъ для волостного писаря, при такихъ условіяхъ, служитъ матеріальный интересъ, побуждающій его дѣйствовать въ другомъ направленіи, подъ прикрытіемъ обстановки, гарантирующей за нимъ безнаказанность, подъ прикрытіемъ предубѣжденія общества, которое не относется къ нему строже, чѣмъ какъ относится, и наконецъ, индифферентизма начальства, отказывающагося отъ всякаго фактическаго контроля надъ нимъ, отчасти за невозможностью таковаго. Положеніе волостного писаря шатко и неопредѣленно: онъ господствуетъ надъ волостью и самоуправленіемъ и въ то же время самъ зависитъ отъ старшины и волости, нанимающихъ его на службу; будучи, повидимому, ни отъ кого не зависимъ внѣ волости, онъ, однакожъ, на самомъ дѣлѣ зависитъ, прежде всего, отъ мирового посредника, и эта зависимость, при упадкѣ современнаго мирового института, вербующагося изъ канцелярскихъ чиновниковъ, по мѣстамъ простирается до того, что нѣкоторые мировые посредники отдаютъ эту должность на откупъ, заставляютъ писарей платить имъ денежныя контрибуціи подъ угрозою лишенія мѣста; наконецъ, писарь чувствуетъ свою зависимость и отъ всякаго уѣздн. начальства и боится проѣзжающаго губернскаго чиновничества. Вол. писарь, вовлеченный въ нелегальныя дѣй-

ствія и злоупотребленія, не дающія ему внутренняго покоя, и занимающій извнѣ шаткое, не обезпеченное положеніе, такимъ образомъ, находится въ условіяхъ, обязывающихъ его, подъ вліяніемъ чувства самосохраненія, принять, тѣмъ болѣе если у него есть семья, свои мѣры для своего обезпеченія. А тутъ соблазны, вводящіе его въ искушеніе, на каждомъ шагу: крестьяне кланяются ему въ поясъ и просятъ его милости договориться съ ними о дѣлѣ, а обдѣлать дѣльцо, какъ мы видѣли, писарю ничего не стоитъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно усматривается какою искусственною, доктринерскою комбинаціею, не привившеюся къ простому народу, является волостной судъ, выступающій на практикѣ, по роду своей дѣятельности, въ двухъ главныхъ видахъ. Волостной судъ или просто торгуетъ своими приговорами, дѣйствуя въ этомъ случаѣ или самъ по себѣ, или подъ вліяніемъ и въ пользу волостного писаря или старшины; такой судъ вноситъ раздраженіе и деморализацію въ крестьянскую массу, колебля въ ней вѣру въ законъ, правосудіе и власть, какъ основы существующаго благоустроеннаго порядка вещей. Или же, напротивъ, волостной судъ при добросовѣстномъ отношеніи къ своей задачѣ, приближается къ ней ощупью, съ повязкою на глазахъ, испытывая затруд-

ненія какъ въ дознаніи фактической правды, не зная чему вѣрить изъ того, что ему говорится, такъ и въ произнесеніи сужденія о дознанной правдѣ, вслѣдствіе неувѣренности въ себѣ и неспособности къ сему. Напримѣръ, судъ выноситъ приговоръ, присуждающій подсудимаго къ легкому наказанію, вродѣ 2-хъ—3-хъ дней ареста при волостномъ правленіи, или денежнаго штрафа въ 1—2 рубля, или тѣлеснаго наказанія въ размѣрѣ 5—10-ти ударовъ розгами, за проступокъ, который, по общимъ гражданскимъ законамъ, равно какъ и по убѣжденію простого народа, наказуется двухъ—или трехъмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ или соотвѣтственнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, въ количествѣ какихъ-нибудь 100 ударовъ розгами, еслибы таковое было допущено. Но и этотъ приговоръ, путемъ вышеизложенныхъ метаморфозъ, упраздняется и, въ концѣ концовъ, миніатюрное правосудіе, отправленіемъ котораго занимается нынѣшній волостной судъ обращается въ мыльный пузырь, сводится къ нулю.

Крестьянская масса, воспитанная въ традиціяхъ и репрессаліяхъ крѣпостного права, коснѣющая въ невѣжествѣ, остающаяся при одной внѣшней религіозной обрядности, не согрѣваясь внутреннею, мало доступною ей стороною религіи, охваченная матеріалистическимъ вихремъ времени, толкающимъ

ее къ наживѣ, интересу и грубымъ удовольствіямъ, при такихъ условіяхъ, предоставленная самой себѣ, безъ взнузданія со стороны власти и суда, идетъ къ замѣтному упадку. „Упадокъ нравственности и общественности,—писали мы полтора года тому назадъ—наблюдаемый въ быту мѣстнаго крестьянства, составляетъ такое выдающееся явленіе, надъ которымъ невольно приходится задуматься. Не говоря о пьянствѣ, какъ общемъ порокѣ русскаго крестьянства, грубый и черствый эгоизмъ, заглушающій альтруистическія чувства, неуваженіе къ чужой собственности, расшатанность семейныхъ и родственныхъ узъ, индифферентизмъ въ дѣлахъ совѣсти и религіи, несознаваніе элементарныхъ началъ общежитія и дурное самоуправленіе, при крайне низкомъ вообще умственномъ и нравственномъ уровнѣ мѣстнаго крестьянства, лежатъ въ основѣ тѣхъ, выходящихъ изъ его среды проступковъ и злодѣяній, которыми такъ изобилуетъ деревенская хроника. Семейные раздоры, возникающіе между мужемъ и женою, либо между прочими членами семьи и родственниками изъ-за имущественныхъ раздѣловъ и влекущіе за собою, въ обоихъ случаяхъ, кровавыя драки, воровство, лжесвидѣтельство на судѣ и разныя злодѣйскія выходки, вызванныя злобою и местью, свидѣтельствуютъ какъ о сохранившихся чертахъ первобытна-

го состоянія здѣшняго крестьянства, такъ и объ его испорченности, приписываемой послѣднему времени. Въ особенности процвѣтаетъ въ деревнѣ воровство; имъ занимаются не какіе-нибудь бобыли, или такъ называемые здѣсь батраки, а домохозяева, имѣющіе свой надѣлъ и пользующіеся гражданскими правами въ самоуправленіи" *). Симптомы такого нравственнаго и соціальнаго разложенія крестьянства замѣчаются не въ одномъ только районѣ здѣшняго края. Курскій помѣщикъ Васьяновъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" пишетъ: „За десять лѣтъ у меня украдено 26 лошадей... Садовъ и огородовъ не думай оставлять безъ крѣпкихъ карауловъ, иначе ничего не получишь. Если вы выстроили хорошій мостъ, то за зиму доски исчезнутъ: изъ нихъ дѣлаются гробы для покойниковъ. Всѣ эти разновидности кражи практикуются не надъ одними помѣщиками изъ сословной непріязни; еще чаще крадутъ у своего брата: то уведутъ лошадей, то оберутъ клѣть, то вѣтряную мельницу, то разгромятъ пасѣку, то стащутъ съ поля нѣсколько копенъ сжатаго хлѣба" **).

---

*) „Виленскій Вѣстникъ" 1883 г., № 190: „Бытъ крестьянъ с. Стригова, Кобринскаго уѣзда".

**) „Русскій Вѣстникъ" 1884 года апрѣль . ст. Васьянова: „По поводу книги А. Н. Энгельгардта: „Письма изъ деревни."

Какъ же быть съ крестьянскимъ самоуправленіемъ? 23-хъ лѣтній историческій опытъ, показавъ абсолютную несостоятельность существующаго крестьянскаго самоуправленія, основаннаго на принципѣ сословной обособленности и самобытности крестьянства, приводитъ къ необходимости радикальной реформы сего самоуправленія, а не частныхъ только измѣненій въ его организаціи *). Въ основу народнаго самоуправле-

---

*) Волостной судъ подвергся строгому осужденію нашихъ земствъ, безпощадные приговоры которыхъ соотвѣтствуютъ различнымъ наблюдавшимся сторонамъ его крайне неудовлетворительнаго состоянія. „Настоящее положеніе волостного суда,—говоритъ г. Скалонъ,—встрѣчаетъ всеобщее порицаніе: въ трудахъ всѣхъ земствъ не найдется ни одного благопріятнаго для него отзыва. „Нѣтъ надобности доказывать,—говоритъ комиссія порховскаго уѣзднаго собранія,—что волостные суды совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію; что ходъ дѣлъ въ нихъ принялъ характеръ самой вопіющей несправедливости, это извѣстно всѣмъ, кто не принимаетъ за основаніе могущихъ быть исключеній". Новгородсѣверское земское собраніе утверждаетъ, что „дѣятельность волостныхъ судовъ положительно неудовлетворительна, почему не пользуется довѣріемъ народа". Конотопское собраніе свидѣтельствуетъ, что „въ настоящемъ своемъ видѣ крестьянскіе суды, въ большинствѣ случаевъ, представляются верхомъ безобра-

нія должна быть взята не крестьянская масса, не дающая всѣхъ элементовъ для самоуправленія, а земля, т. е. все то, что обитаетъ на землѣ, питается отъ земли и мыслитъ о землѣ въ чертѣ деревни.

Самоуправленіе тогда будетъ поставлено на болѣе широкую и прочную почву и получитъ то жизненное, органическое содержаніе, страдая отъ неполноты котораго, оно до сего времени не обладало способностью достигать своего назначенія.

Что собственно требуется отъ суда для того, чтобы онъ могъ удовлетворять своему элементарному назначенію? Требуется, во-

---

зія. Комиссія стародубскаго собранія признаетъ ихъ „невыносимыми для крестьянъ“, а новоржевское собраніе жалуется на „продажность суда и явную несправедливость многихъ его рѣшеній“. По словамъ комиссіи орловскаго губернскаго собранія, „неправильная постановка волостныхъ судовъ привела ихъ къ быстрому упадку, и теперь о нихъ рѣдко услышишь отъ крестьянина добрый отзывъ“. Симбирская губернская комиссія усматриваетъ главные недостатки нынѣшнихъ волостныхъ судовъ въ „пристрастіи, подкупности и злоупотребленіяхъ“. На „умственную неразвитость“ судей указываетъ комиссія стародубскаго собранія; на нее же жалуется и скопинское собраніе, по словамъ котораго, „волостные суды, составляемые изъ лицъ, не только незнакомыхъ съ закономъ, но большею частью неграмотныхъ, не

первыхъ, чтобы судья зналъ реальный фактъ, подлежащій его сужденію, и чтобы, во-вторыхъ, судья обладалъ самою компетентностью сужденія, умѣлъ примѣнить существующее право къ факту. Очевидно, что первому требованію, въ роли судьи, можетъ удовлетворять больше всего простой народъ, потому что никто лучше его самого не знаетъ фактовъ изъ сферы его быта, никто лучше его не понимаетъ нарѣчія, на которомъ онъ объясняется, такъ что сторонній интеллигентный человѣкъ съ трудомъ понимаетъ то, что выбалтывается на судѣ крестьянами, а въ особенности словоохотливыми деревенскими бабами. Но зато простой на-

---

удовлетворяютъ своему назначенію, доказательствомъ чему можетъ служить масса жалобъ, достигающая 90% рѣшаемыхъ дѣлъ". «Нельзя и требовать, —говоритъ нѣжинское собраніе, —чтобы неграмотный судъ могъ удовлетворить крестьянъ и чтобы они его уважали». Комиссія смоленскаго губернскаго собранія, «считая излишнимъ входить въ подробное разсмотрѣніе общественныхъ недостатковъ волостныхъ судовъ», указываетъ, что «предоставленіе неразвитому, безграмотному суду права рѣшать, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и безапелляціонно, дѣла до 100 руб., составляющихъ иногда все состояніе крестьянскаго семейства, не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на благосостояніе крестьянъ» («Рус. Вѣд.» 1885 года, № 21, ibidem). *Прим. автора.*

родъ, какъ показываютъ наблюденія, не можетъ, главнымъ образомъ, удовлетворять второму требованію—не всегда можетъ возвыситься до интеллектуальной точки зрѣнія существующаго права, не обладаетъ способностью анализа факта, способностью самостоятельнаго, объективнаго разсужденія, нравственнымъ и гражданскимъ долгомъ, чтобы примѣненіемъ права къ факту, съ этой стороны, выполнять актъ правосудія.

Между тѣмъ, внѣ крестьянскаго простонародья, въ резервѣ остаются безъ всякаго употребленія интеллигентныя силы, сосредоточенныя въ культурныхъ слояхъ деревенскаго общества. Этими силами, по нашему мнѣнію, и долженъ быть пополненъ существующій пробѣлъ въ составѣ народнаго самоуправленія. Волостной судъ, такимъ образомъ, для обладанія необходимыми способностями къ отправленію правосудія, долженъ быть смѣшанный, т. е. состоящій изъ равнаго числа крестьянъ и лицъ прочихъ общественныхъ классовъ, обитающихъ въ деревенскомъ мірѣ: помѣщиковъ, земледѣльцевъ, фабрикантовъ, учителей и духовенства.

Очевидно, что проектируемый судъ, необходимость котораго сознается внизу, а не вверху, будетъ, однакожъ, съ внѣшней стороны, ни чѣмъ другимъ, какъ дальнѣйшимъ проведеніемъ общаго реформеннаго строя государственной жизни, проведеніемъ прин-

циповъ, лежащихъ въ основѣ земскихъ учрежденій и гласнаго судопроизводства. Въ самомъ дѣлѣ, если разнородныя сословныя, общественныя группы призываются къ совмѣстной дѣятельности на земскомъ поприщѣ или на поприщѣ гласнаго суда, въ послѣднемъ случаѣ, для борьбы съ преступленіями, какъ такими видами зла, отъ которыхъ, прежде всего, страдаетъ само общество; то тѣмъ болѣе, исходя изъ того же принципа, представляется основаніе привлечь сельское общество къ борьбѣ съ такими преступленіями, отъ которыхъ оно непосредственно, лично страдаетъ и въ устраненіи которыхъ оно потому больше заинтересовано, чѣмъ въ первомъ случаѣ, гдѣ оно подаетъ голосъ, по гражданской обязанности, противъ преступленій, совершающихся иногда въ самыхъ отдаленныхъ отъ него сферахъ. Если въ деревнѣ, напр., развито воровство, то жертвами его, какъ это видно, между прочимъ, и изъ вышеприведенной цитаты изъ статьи курскаго помѣщика Васьянова, дѣлаются не только крестьяне, но и мѣстные помѣщики и прочіе интеллигентные обыватели. Сельская интеллигенція и простой народъ сближаются между собою не однимъ только внѣшнимъ, территоріальнымъ пространствомъ, но самыми условіями быта, заключающаго въ себѣ такія отношенія, гдѣ жизнь и интересы интеллигенціи переплетаются съ жизнью

и интересами простонародья. Помѣщики, арендаторы и прочіе земледѣльцы обрабатываютъ свои земли и ведутъ хозяйства крестьянскими руками, вступаютъ въ аграрныя и экономическія сдѣлки съ деревнею, отдавая ея хозяевамъ участки земли и луговъ въ обмѣнъ на рабочія руки, или же послѣднія нанимаются за деньги, въ которыхъ крестьяне не меньше нуждаются для выкупныхъ платежей и разныхъ повинностей; для постояннаго же годичнаго веденія хозяйства извлекается изъ деревни контингентъ безземельныхъ крестьянъ, или такъ называемыхъ батраковъ, поступающихъ на службу къ господскому земледѣльческому классу. Точно также и прочіе интеллигентные обыватели, живущіе въ деревняхъ по своимъ профессіямъ, входятъ въ близкое соприкосновеніе съ простымъ народомъ и потому не меньше заинтересованы въ подъемѣ его нравственнаго и общественнаго уровня. Такимъ образомъ, сельская интеллигенція и простой народъ представляютъ изъ себя два класса, болѣе нуждающіеся другъ въ другѣ и въ своихъ интересахъ болѣе солидарные между собою въ чертѣ деревни, гдѣ они, однакожъ, отдѣлены между собою сословными ширмами, чѣмъ внѣ деревни, гдѣ, напротивъ, они созываются для совмѣстной дѣятельности, во имя солидарной пользы, на болѣе абстрактной аренѣ—въ земскомъ собраніи и гласномъ

судѣ. Таковы фактическія и теоретическія данныя въ пользу всесословнаго земскаго суда.

Комплектъ проектируемаго суда можетъ состоять примѣрно изъ шести человѣкъ: изъ трехъ крестьянъ и трехъ лицъ прочихъ классовъ, причемъ, для обезпеченія безпристрастія, допустить право отвода, или лучше установить за правило, какъ это и теперь принято въ волостныхъ судахъ, чтобы засѣдающіе въ очередь судьи не были изъ деревень, изъ которыхъ подлежатъ разбору тяжбы. Участіе сельскаго интеллигентнаго элемента въ составѣ народнаго суда уже принесетъ ту неоцѣненную выгоду, что вырветъ нынѣшнее волостное правосудіе изъ рукъ писарей, старшинъ и прочихъ скрывающихся за ними міроѣдовъ, и впредь будетъ служить оплотомъ противъ сторонняго эксплуатаціоннаго вліянія на мѣстное правосудіе. Дальнѣйшее устройство земскаго или, пусть будетъ себѣ, волостного суда должно быть сообразовано съ требованіями жизни и указаніями опыта. Власть и предѣлы вѣдомства этого суда должны быть расширены противъ настоящаго волостного суда, причемъ карающая его компетенція должна быть поставлена въ уровень съ вѣдающею его компетенціею. Тѣлесное наказаніе, необходимость котораго требуется нравственнымъ и бытовымъ строемъ крестьянской жизни,

должно получить право гражданства съ тѣмъ, однакожъ, ограниченіемъ, чтобы наказаніе это употреблялось надъ молодежью, не достигшею совершеннолѣтія и опороченными судомъ, извѣстными своимъ дурнымъ нравомъ и поведеніемъ крестьянами, съ ограниченіемъ ихъ въ гражданскихъ правахъ по самоуправленію. Юрисдикція этого суда должна быть распространена по нѣкоторымъ дѣламъ и на сельскую интеллигенцію, что еще болѣе сблизитъ послѣднюю съ судомъ и побудитъ ее пещись о исправномъ состояніи мѣстнаго правосудія, а именно: по гражданскимъ и экономическимъ договорамъ, по дѣламъ о порубкѣ лѣса, потравахъ и т. п., возникающимъ между крестьянами и лицами другихъ сословій. Интеллигентные обыватели въ тяжбахъ съ крестьянами до сего времени не обращаются къ нынѣшнему волостному суду, сколько въ виду его вышеуказанной несостоятельности и неавторитетности въ качествѣ органа правосудія, столько же и въ виду—что составляетъ новую черту, въ которой зарекомендовалъ себя съ невыгодной стороны волостной судъ—его сословной тенденціозности и не только сословной, но и другой: вѣсы волостного правосудія, установленные на нейтральной точкѣ опоры, по отзывамъ писарей, склоняются обыкновенно въ сторону сѣраго мужика въ его тяжбѣ съ лицомъ дворянскаго сословія.

Между тѣмъ, дѣла, о коихъ идетъ рѣчь, по своему происхожденію, свойству и фигурирующимъ въ нихъ личностямъ, такого рода, что непремѣнно требуютъ мѣстнаго, а не другаго суда. Весь споръ въ нихъ обыкновенно происходитъ не изъ за права, а изъ за факта, такъ что на судъ выпадаетъ здѣсь задача признать въ томъ или другомъ видѣ фактъ, признать сумму иска, подлежащаго удовлетворенію, что, очевидно, ближе подходитъ къ мѣстному суду, чѣмъ правовому, каковымъ является мировой судъ. Послѣдній, вслѣдствіе своей оторванности отъ жизни, отдаленности отъ дѣйствительности, гдѣ происходятъ факты, подлежащіе его разбирательству, и вслѣдствіе своей, стало быть, личной некомпетентности въ дѣлахъ подобнаго рода, обыкновенно хватается за третій, вводный элементъ, подсказывающій ему приговоры, каковымъ являются свидѣтели, наполняющіе камеры. Вотъ именно, вслѣдствіе такого формальнаго, безпочвеннаго, фальшиваго судопроизводства, при той легкости, съ которою въ настоящее время фабрикуются всякія свидѣтельскія и оцѣночныя показанія, камерное правосудіе обратилось въ орудіе самой безпощадной эксплуатаціи простого народа. Въ сельской провинціи, при такихъ условіяхъ, организовался цѣлый промыселъ, экономическій разбой, бичующій деревни; отъ этого новаго бича

Божія простой народъ отмаливается, какъ отъ труса, потопа, неурожая и пр. Крестьянскій скотъ, остающійся все лѣто подъ надзоромъ ребятишекъ, лишь только переступитъ границу, взойдетъ на помѣщичье поле, какъ тотчасъ на него набрасываются, подстерегающіе верхомъ на лошадяхъ добычу, евреи арендаторы и экономы (послѣдніе въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, при ничтожномъ содержаніи, по договору получаютъ 50% въ свою пользу со взысканій за пойманный ими скотъ въ потравѣ), которые плѣнивъ скотъ, предъявляютъ претензію на сумму, въ десять, двадцать разъ превосходящую стоимость причиненнаго потравою убытка. Арендаторы вымогаютъ отъ крестьянъ, въ замѣнъ денежной платы, работника, которымъ и запасаются на весь хозяйственный сезонъ, а экономы требуютъ уплаты чистоганомъ. Крестьяне такъ запуганы мировымъ судомъ, куда искъ угрожаютъ предъявить еще въ большую сумму, такъ робѣютъ, и весьма основательно, предъ перспективою волокитства на нѣсколько десятковъ верстъ, къ тому же въ страдную, рабочую пору, угрожающаго, сверхъ того, судебными издержками, что обыкновенно предпочитаютъ согласиться на требуемыя условія. Намъ извѣстны не только семейства, но и цѣлыя деревни, которыя такимъ способомъ были разорены, и бывали примѣры, что крестьяне, не зная

какъ избавиться отъ бѣдствія, давали священнику на обѣдню, чтобы Богъ избавилъ ихъ отъ бичующаго арендатора или эконома. Очевидно, что дѣла этой категоріи, дѣла аграрнаго и экономическаго вида, приличнѣе было бы отнести къ мѣстному земскому суду, обладающему здѣсь большею личною компетентностью, ближе поставленному къ реальной дѣйствительности, дающей эти тяжбы, имѣющему, сверхъ того, возможность дѣйствовать по горячимъ слѣдамъ: судъ или личнымъ осмотромъ потравы, или чрезъ сволхъ довѣренныхъ агентовъ, ближе подойдетъ къ истинѣ, можетъ меньше грѣшить противъ нея и, во всякомъ случаѣ, не быть предметомъ мистификаціонной и эксплуатаціонной игры въ правосудіе. Мировой судъ, съ изъятіемъ отъ него этихъ дѣлъ, которыми онъ массами бываетъ заваленъ во все лѣто, выиграетъ время для занятія дѣлами, болѣе отвѣчающими его прямому назначенію, между тѣмъ долго ждущими своей очереди. Да и вообще слѣдовало бы, по возможности, выгородить крестьянскую массу отъ мирового суда, столь непопулярнаго въ ней, уже потому, что правосудіе здѣсь не мало перевѣшивается адвокатскимъ искусствомъ, весьма къ тому же въ наше время не разборчивымъ на средства, съ чѣмъ не можетъ состязаться простодушная крестьянская натура, проигрывающая чрезъ это дѣла,

такъ и въ виду того деморализующаго вліянія, которое этотъ судъ съ своею обстановкою оказываетъ на массу: здѣсь она, подучаемая сомнительными адвокатами и подкупаемая евреями, кромѣ сутяжничества, беретъ уроки лжесвидѣтельства и клятвопрес тупленія.

Земскій судъ долженъ быть изъятъ отъ апелляціи и кассаціи, отъ того и другаго, главнымъ образомъ, потому, что крестьянская масса не надлежаще пользуется правомъ обжалованія, а злоупотребляетъ этимъ правомъ, съ дикимъ упрямствомъ и сутяжническимъ апломбомъ, изъявляя неудовольствіе и на такія рѣшенія, какъ дважды два четыре, чтобы оттянуть время исполненія приговора, а всякая проволочка времени между объявленіемъ приговора и его исполненіемъ, какъ нами выше констатировано, ведетъ къ упраздненію правосудія.

Вмѣсто кассаціи приговоровъ, которая, какъ мы видѣли, рѣшительно отвергается простымъ народомъ, слѣдовало бы установить отвѣтственность суда за намѣренное превышеніе имъ своей власти и нарушеніе правилъ судопроизводства, каковая отвѣтственность, при учрежденіи особаго, въ лицѣ административной или судебной власти, надзора за судомъ и допущенія надъ нимъ общественнаго контроля, возможнаго при гласности его засѣданій, поддерживала бы

дисциплину въ судѣ и тѣмъ самымъ значительно предупреждала бы поводы къ апелляціоннымъ и кассаціоннымъ жалобамъ на него *).

Приговоры суда должны приводиться въ исполненіе, по возможности, тотчасъ послѣ состоявшихся рѣшеній и за исполненіемъ приговоровъ, должны наблюдать тотъ же судъ и органы администраціи.

---

*) По этому предмету, какъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ крестьянскаго самоуправленія, мнѣнія земствъ весьма разнорѣчивы. Однѣ земскія комиссіи, какъ видно изъ статьи г-на В. Скалона, признали необходимость апелляціи, причемъ большинство проектовъ апелляціонною инстанціею ставитъ мирового судью или единолично, или при участіи волостныхъ судей. Другія земства высказались въ противоположномъ смыслѣ. Костромское губернское земское собраніе, напр., высказалось, что „крестьянскій судъ долженъ быть признанъ окончательнымъ и не подлежащимъ обжалованію". Того же мнѣнія держится и симбирская губернская комиссія, находившая, что допущеніе обжалованій рѣшеній волостного суда оказало „сильное вліяніе на развитіе въ нашемъ народѣ кляузничества"... Строгій контроль надъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, по мнѣнію комиссіи, имѣлъ въ своемъ результатѣ формализмъ, утрату волостными судьями сознанія долга рѣшать дѣло по совѣсти, неуваженіе крестьянъ къ рѣшеніямъ своихъ судовъ и развитіе сельской адвокатуры, которая составляетъ настоящую язву современнаго

Судопроизводство проектируемаго суда можетъ быть оставлено словесное, безъ внесенія въ протоколъ поясненій и показаній сторонъ, съ возложеніемъ на судъ, однакожъ, обязанности, въ случаѣ явной и преднамѣренной ложности свидѣтельскихъ показаній, предавать такихъ лицъ въ руки правосудія. Предѣлы вѣдомства и власть этого суда должны быть ясно и точно обозначены, а судъ въ своихъ рѣшеніяхъ долженъ руководствоваться особымъ уставомъ, регламентирующимъ взысканія за проступки, подлежащіе его вѣдѣнію.

крестьянскаго самоуправленія". Все это привело комиссію къ убѣжденію „въ необходимости положить предѣлъ развивающемуся злу установленіемъ общаго правила, что *рѣшенія волостныхъ судовъ вообще никакому обжалованію, ни въ кассаціонномъ, ни въ апелляціонномъ порядкѣ не подлежатъ*". Заключеніе комиссіи, такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ оказывается солидарнымъ съ нашимъ мнѣніемъ.

Вопросъ о допущеніи апелляціи для волостного суда получаетъ различное разрѣшеніе и внѣ земствъ. Г. А. И. Языковъ, напримѣръ, въ своемъ рефератѣ: „О преобразованіи волостного суда", читанномъ въ собраніи административнаго отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества, 12-го января сего года, призналъ, что рѣшенія волостного суда, какъ и суда съ присяжными засѣдателями, должны считаться окончательными, апелляція не слѣдуетъ вводить, но по жалобамъ въ мировой съѣздъ (кассаціонную ин-

Необходимость такого устава сознавалась законодательствомъ и при изданіи общаго положенія, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣчанія 1 къ 102 ст. сего положенія: „*Впредь до изданія общаго сельскаго устава* волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи, на точномъ основаніи статей 64, 86 и 102 сего положенія, мѣры наказаній за маловажные преступленія и проступки примѣняются къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ

танцію) должна быть допущена отмѣна рѣшеній въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ. Между тѣмъ, при окончательномъ обсужденіи вопроса объ устройствѣ волостныхъ судовъ въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, большинство и меньшинство ея членовъ, какъ это извѣстно изъ газетъ, высказались за необходимость учрежденія апелляціонной инстанціи, съ тою лишь разницею, что, по проекту большинства комиссіи, апелляціонною инстанціею для волостного суда, въ существенныхъ своихъ чертахъ въ обоихъ проектахъ сохраняющаго нынѣшнюю организацію, является судебная власть—мѣстный мировой судъ, а кассаціонною—съѣздъ мировыхъ судей; а по проекту меньшинства апелляціонную инстанцію предполагается создать въ особомъ коллегіальномъ органѣ—съѣздѣ участковыхъ надзирателей, назначаемыхъ правительствомъ.

Прим. автора.

уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ (уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, статьи 440—536)". Подъ этимъ примѣчаніемъ находимъ слѣдующее поясненіе: „Въ Высочайше утвержденномъ 27-го іюля 1861 года положеніи главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, между прочимъ, изъяснено: хотя въ примѣчаніи къ ст. 102 и сдѣлано указаніе на сельско-судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ, но означеннымъ въ томъ примѣчаніи судамъ и должностнымъ лицамъ не вмѣнено въ обязанность дѣйствовать на точномъ основаніи этого устава, а сказано только, что они примѣняются къ нему при назначеніи мѣры наказанія; самыя же наказанія, которыя въ правѣ налагать волостные суды, старшины и старосты, точно опредѣлены въ положеніи. Такимъ образомъ, крестьянскіе суды могутъ дѣйствовать самостоятельно и разумно въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, руководствуясь въ подробностяхъ мѣстными обычаями, хорошо извѣстными крестьянамъ, и испрашивая разрѣшенія только по частнымъ случаямъ, въ обсужденіи коихъ они встрѣтятъ затрудненія *).

---

*) Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о правахъ и обязанностяхъ сельскихъ обывателей и пр. ч. 1, К. Бойсмана.

„*Крестьянскіе суды могутъ дѣйствовать самостоятельно и разумно, руководствуясь въ подробностяхъ мѣстными обычаями, хорошо извѣстными крестьянамъ*“. Въ практикѣ каждый приговоръ волостного суда, записываемый въ „книгу“, мотивируется слѣдующею одною и тою же стереотипною фразою: „а потому судъ, руководствуясь 107 ст. общаго положенія, *на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ*, приговорилъ крестьянина NN за нанесеніе побоевъ крестьянину или крестьянкѣ NN къ штрафу 3 р., или къ аресту на трое сутокъ“. Ничего нѣтъ наивнѣе и безсмысленнѣе этой фразы, подсказанной общимъ положеніемъ, повторяя которую волостной судъ напоминаетъ собою дрессированнаго попугая, по каждому случаю произносящаго извнѣ вдолбленную ему какую-нибудь фразу. Что это за мѣстные обычаи, хорошо извѣстные крестьянамъ, иначе сказать, что это за обычное право, предполагающееся какимъ-то традиціоннымъ въ судебной народной сферѣ, для примѣненія его къ проступкамъ? Въ крестьянской средѣ есть обычное право, дѣйствующее въ спорахъ и искахъ по дѣламъ семейнымъ, имущественнымъ и нѣкоторымъ видамъ обязательствъ (таковы дѣла по семейнымъ раздѣламъ, споры о наслѣдствѣ, дѣла о потравахъ, о наймѣ рабочихъ и т. п.), другими словами, есть обычное право, замѣняющее

нашъ гражданскій уставъ, но нѣтъ обычнаго права въ примѣненіи къ крестьянскимъ проступкамъ, замѣняющее нашъ уголовный уставъ. Такому праву некогда было и зародиться, такъ какъ крестьянскій народъ, до своего освобожденія изъ крѣпостного состоянія, не самъ чинилъ надъ собою судъ и расправу, а то и другое производилъ надъ нимъ помѣщикъ съ своимъ дворомъ, дѣйствовавшіе по своему безотчетному усмотрѣнію и произволу. Подъ обычнымъ правомъ, если угодно, можно разумѣть—на что нами было выше указано—тотъ уровень понятій и убѣжденій простого народа, которымъ требуется, чтобы преступленіе, по мѣрѣ виновности преступника, понесло соотвѣтствующее наказаніе. Волостной судъ приглашается главнымъ комитетомъ объ устройствѣ сельскаго состоянія дѣйствовать самостоятельно и разумно, руководствуясь мѣстными обычаями въ предѣлахъ закона, а между тѣмъ, какъ нами было выше констатировано, волостной судъ, дѣйствуя въ границахъ закона, стоитъ внѣ всякихъ юридическихъ понятій и убѣжденій простого народа. Сынъ побилъ своего отца или мать, за что, по требованію обычнаго, патріархальнаго права, онъ долженъ быть тотчасъ строго наказанъ властью, охраняющею семейные принципы, которая въ этомъ случаѣ вступается за попранныя дѣтьми права и власть родителей; а

между тѣмъ, сынъ, допустившій такое преступленіе, въ силу дѣйствующаго закона, подлежитъ общему суду и de facto ускользаетъ отъ всякаго суда. Произошелъ разбой: сильный до полусмерти избилъ слабаго, за что, по убѣжденію простого народа, онъ долженъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, дабы помнилъ, что надъ нимъ есть высшая сила суда. А волостной судъ, между тѣмъ, по начертанію законодательства, приговариваетъ буяна къ 3-мъ руб. штрафа, или къ 3-мъ днямъ ареста, не давая своимъ приговоромъ удовлетворенія ни себѣ, ни крестьянскому обществу, ни пострадавшей жертвѣ, и не предупреждая повторенія разбоя, вслѣдствіе внушенія преступнику обратнаго убѣжденія, что надъ нимъ нѣтъ высшей силы, способной обуздать его.

При устройствѣ новаго суда, наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного обстоятельства—его приличной обстановки. Если въ образованной средѣ приличная обстановка требуется достоинствомъ суда, его высокимъ служеніемъ въ качествѣ органа правосудія, то въ крестьянской средѣ такая обстановка требуется по болѣе резоннымъ основаніямъ. Простонародье, въ разсужденіи вещей не всегда возвышаясь до пониманія ихъ внутренняго значенія, обыкновенно судитъ о вещахъ по ихъ наружности. Необходимо поднять народное правосудіе

изъ той грязи и пошлой суеты, которыми оно обставлено. Тотъ, кто, не будучи близко знакомъ съ деревнею, очутится первый разъ въ волостномъ правленіи, во время засѣданія волостного суда, не сразу отдастъ себѣ отчетъ: *гдѣ онъ находится—въ кабакѣ* ли, или судѣ. Тотъ же неумолкаемый ярмарочный крикъ, шумъ и говоръ, сквозь которые слышатся споры и ссоры, уснащаемые площадными словами, та же пыльная, удушливая атмосфера, наполненная дымомъ махорки и парами сивухи, та же полутьма по вечерамъ и сутолока, какъ и въ любой корчмѣ, наполненной народомъ, возвращающимся съ ярмарки. Уваженіе массы къ суду, правда, могло бы быть вызвано уже однимъ участіемъ въ немъ дворянскаго, интеллигентнаго элемента, но, независимо отъ того, *необходимо позаботиться о такой внѣшней* обстановкѣ суда, которая внушала бы массѣ уваженіе къ самому суду, что не могло бы съ благопріятной стороны не вліять и на самое отправленіе правосудія. Судьи должны имѣть на себѣ какіе нибудь символическіе знаки, соотвѣтственно торжеству минуты, возвышающей ихъ надъ окружающею суетою толпы, засѣдать за столомъ, украшеннымъ какими нибудь внѣшними эмблемами; судьи должны строго наблюдать за порядкомъ и тишиною, пользуясь правомъ наложенія штрафа или ареста за не-

приличное поведеніе въ судѣ. (Однажды мы были свидѣтелями такого случая: волостной судъ, оскорбленный неприличными выходками одной женщины, оставшейся недовольною его рѣшеніемъ, тотчасъ же, въ минуту своего возбужденія, постановилъ оштрафовать ее однимъ руб., на что писарь возразилъ, что судъ не имѣетъ на это права, такъ какъ это не входитъ въ предѣлы его вѣдомства: судъ ретировался молчаніемъ).

Волостное самоуправленіе, организованное по начертанію либеральной доктрины реформенной эпохи прошлаго царствованія, не сообразованное съ духовными, соціальными и бытовыми особенностями сельскаго простонародья, придающими особенный, отличный отпечатокъ всему складу его интеллектуальной, общинной и бытовой жизни, естественною силою вещей превратилось въ крестьянскую общественную неурядицу съ темною эксплуатаціею и деморализаціею того же простонародья: тиранія помѣщичьей власти уступила свое мѣсто анархіи и тиранніи міроѣдства. Такой ненормальный порядокъ вещей, не дающій крестьянству правильной, благоустроенной жизни, возмущающій его здоровые соціальные инстинкты, требующіе порядка и власти, и вмѣсто того, за неудовлетвореніемъ этого требованія, ведущій его къ разнузданности и временамъ варварскаго самосуда, оказываетъ вредное воспитатель-

ное вліяніе на гражданское развитіе нашего простого народа. Сами крестьяне открыто возстаютъ противъ своего автономнаго управленія, заявляя, что при крѣпостномъ правѣ, въ отношеніи гражданскаго благоустройства, были лучшіе порядки.

Для примѣра приводимъ слѣдующій разсказъ одного крестьянина, который часто можно слышать въ деревняхъ изъ устъ крестьянъ, откровенно разсуждающихъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Разсказъ этотъ мы заимствуемъ изъ „Виленскаго Вѣстника“ (отъ 5-го октября 1884 г.), гдѣ онъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ „Крестьянскій самосудъ“:

—„3 сентября настоящаго года,—пишетъ авторъ, скрывшійся подъ иниціалами О. Д.,—мнѣ пришлось поѣхать въ сосѣднее мѣстечко Лебедево. Мой извощикъ, крестьянинъ изъ деревни Зарудичи, Осипъ Лисъ, старикъ лѣтъ 65, оказался человѣкомъ очень разговорчивымъ. Дорогой я съ нимъ разговорился о покражахъ, разбояхъ, пьянствѣ, раздѣлахъ земли и прочихъ неурядицахъ, которыми такъ богаты въ настоящее время наши деревни и мѣстечки. При этомъ я предложилъ Осипу интересовавшій меня вопросъ: какъ крестьяне смотрятъ на причину всѣхъ этихъ безпорядковъ и что, по ихъ мнѣнію, могло бы, если не устранить, то хоть уменьшить ихъ? Отвѣтъ былъ очень оригиналенъ,

„Ничего не будетъ, сказалъ мнѣ Осипъ, если намъ самимъ, помимо волостного суда, не позволятъ наказывать виновниковъ всѣхъ деревенскихъ безпорядковъ. Раньше, когда мы находились въ зависимости отъ помѣщиковъ, всѣ эти разбои, кражи, пьянство, неуваженіе родителей и старшихъ встрѣчались несравненно рѣже и прекращались скоро: помѣщикъ призоветъ виновнаго къ себѣ, накажетъ его розгами или плетью и тотъ уже боится въ другой разъ отвѣдать того же". Я началъ возражать, что и на плохого человѣка можно подѣйствовать просьбами, совѣтами, стыдомъ и подобными средствами. Наконецъ, сказалъ я, у васъ же есть волостные суды, которые, кромѣ указанныхъ средствъ, располагаютъ правомъ подвергать виновныхъ и тѣлеснымъ наказаніямъ. „Нѣтъ, возразилъ Осипъ, все это ничего не поможетъ. Я уже доживаю седьмой десятокъ лѣтъ, и имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ справедливости своихъ словъ. Особенно мало помочь въ этомъ дѣлѣ могутъ наши волостные суды. Ну, положимъ, у меня сосѣдъ укралъ курицу. Чтобы принести жалобу, я долженъ потерять цѣлый рабочій день, такъ какъ волостное правленіе находится отъ нашей деревни въ семи верстахъ. Затѣмъ меня вызываютъ въ судъ и я теряю другой рабочій день. Притомъ, мнѣ нужно взять съ собою свидѣте-

лей, которыхъ за то, что они пойдутъ за 7 верстъ въ волостное правленіе, нужно угостить, да и самъ, при этомъ грѣшномъ дѣлѣ, выпьешь лишнюю рюмку, а судъ приговоритъ только возвратить мнѣ курицу и помириться, а много если приговоритъ виновнаго на двое сутокъ въ холодную. Такое наказаніе ему ни по чемъ. Ужъ если человѣкъ пустился воровать, то ни наставленіемъ, ни легкимъ наказаніемъ его не прошибешь: на другой день онъ украдетъ другую курицу, на третій гуся и такъ дойдетъ, наконецъ, и до лошадей. Крупныхъ воровъ мы имѣемъ право высылать въ Сибирь на поселеніе, но отъ этого намъ не легче: общество составитъ приговоръ о выселеніи, а денегъ на дорогу собрать скоро не успѣетъ. Вотъ и держатъ присужденнаго въ волостномъ правленіи, а намъ ежедневно ходи туда его караулить и давай по 10 коп. кормовыхъ, да еще и бойся, чтобы арестантъ не удралъ изъ подъ караула и не отомстилъ обществу, не поджегъ деревни. Пока соберутся нужныя деньги, пока волостное правленіе напишетъ объ этомъ куда слѣдуетъ, да пока придетъ бумага объ отправленіи арестанта въ Сибирь, такъ и цѣлый годъ пройдетъ, какъ въ настоящемъ году и было въ нашей волости..."

Рѣшительная несостоятельность нынѣшняго волостного суда, констатированная

всѣми земствами, выдвинула вопросъ о томъ, долженъ ли быть сохраненъ этотъ судъ, или же его слѣдуетъ упразднить. Въ рѣшеніи этого вопроса мнѣнія земствъ, какъ видно изъ статьи г-на Скалона *), раздѣлились. Одни земства высказались за совершенное упраздненіе крестьянскаго суда и передачу его дѣлъ мировому суду, но большинство земствъ, въ противоположность такому требованію, признало необходимость особаго крестьянскаго суда, въ пользу котораго приводится тотъ доводъ, что въ крестьянскомъ мірѣ дѣйствуютъ особые юридическіе обычаи, совершенно отличные отъ нормъ нашего гражданскаго кодекса. „Упразднить крестьянскій судъ,—говоритъ воронежская губернская управа,—рѣшительно невозможно. Въ жизни сельское населеніе не можетъ руководствоваться только положительнымъ закономъ,—у него обычай играетъ весьма существенную роль". „Въ спорахъ и искахъ между крестьянами по дѣламъ имущественнымъ и нѣкоторымъ видамъ обязательствъ,—говоритъ московская губернская комиссія,—не примѣняются общіе гражданскіе законы; дѣла такого рода вершатся на основаніи обычаевъ, укоренившихся въ различныхъ мѣстностяхъ". По мнѣнію орловской комиссіи, никакой судъ не можетъ замѣнить волостной, какъ органъ обычнаго права, „по невозможности изучить это право для вся-

*) „Рус. Вѣд." 1885 г., № 21, ibidem.

каго, кто самъ не сжился съ непосредственнымъ его примѣненіемъ. По своему мѣстному разнообразію оно не поддается приведенію въ систему, да у насъ почти и нѣтъ матеріаловъ для такой попытки. Наложить на выработанный многовѣковою жизнью крестьянскій юридическій бытъ, съ его особыми отношеніями, семейными, общинными и частными, рамки матеріальнаго, гражданскаго права значило бы стремиться къ насильственному искаженію этого быта, чему народъ никогда бы не могъ подчиниться. Это послѣднее соображеніе будетъ особенно понятно,—говоритъ комиссія,—если представить себѣ разрѣшеніе споровъ о крестьянскомъ наслѣдствѣ и раздѣлѣ общаго имущества по X т. св. зак." На близость крестьянскаго суда къ своей средѣ, составляющую его крупное достоинство, какъ на аргументъ въ пользу его сохраненія, указываетъ, между прочимъ, тульская губернская управа: въ жизни крестьянъ, говоритъ она, „встрѣчается масса мелкихъ дѣлъ и споровъ, изъ за которыхъ не стоитъ ѣхать жаловаться судьѣ".

Сторонники крестьянскаго суда расходятся между собою только относительно его характера и круга дѣятельности. Многіе сохраняютъ волостной судъ и даже расширяютъ его компетенцію, другіе считаютъ нужнымъ ограничить подсудность крестьянскаго суда и, взамѣнъ волостного, создать судъ сельскій. Указывая на существованіе

у крестьянъ особыхъ юридическихъ обычаевъ, воронежская губернская управа находитъ, однако, что примѣненіе обычая должно ограничиваться дѣлами гражданскими: „въ дѣлахъ уголовныхъ,—говоритъ управа,—обычай рѣшительно терпимъ быть не можетъ. Въ массѣ случаевъ обычай имѣетъ развращающее вліяніе (напримѣръ, вмѣсто наказанія за кражу вѣшаютъ на виновнаго краденую вещь и водятъ по улицамъ для общаго посмѣянія; при несостоявшемся бракѣ штрафуютъ бывшихъ или жениха, или невѣсту, или ихъ родителей).“ Поэтому всякаго рода дѣла уголовнаго характера, по мнѣнію другой комиссіи, именно новохоперскаго собранія, должны быть изъяты изъ вѣдѣнія судовъ крестьянскихъ и переданы мировымъ судьямъ. Костромское губернское собраніе высказывается за сохраненіе сословнаго крестьянскаго суда „для тѣхъ дѣлъ, которыя рѣшаются въ крестьянскомъ быту на основаніи остатковъ существовавшаго обычая, а именно по дѣламъ, возникающимъ изъ поземельныхъ и имущественно-семейныхъ отношеній“. Всѣ остальныя дѣла, возникающія между крестьянами, должны подлежать общимъ судебнымъ учрежденіямъ.

Въ виду такихъ доводовъ, даже рѣшительные противники волостного суда признаютъ необходимость или созданія, взамѣнъ его, иного суда, съ болѣе ограниченною компетенціею, или введенія измѣненій въ судопроизводствѣ мировыхъ судей, въ ви-

дахъ приноровленія послѣдняго къ крестьянскимъ нуждамъ.

Отзывы земствъ, такимъ образомъ, сводятся къ тому положенію, что нынѣшній волостной судъ, какъ не отвѣчающій своему назначенію и приносящій вредъ, долженъ былъ бы подлежать упраздненію, но такъ какъ онъ незамѣнимъ, въ качествѣ спеціальной народной инстанціи, по дѣламъ, подлежащимъ юрисдикціи народнаго права, замѣняющаго нашъ гражданскій кодексъ, то его слѣдуетъ оставить, съ допущеніемъ только нѣкоторыхъ измѣненій въ его организаціи. Къ такимъ результатамъ, насколько извѣстно изъ газетъ, пришла и Кахановская комиссія.

Между тѣмъ, такое рѣшеніе вопроса основывается на очевидномъ недоразумѣніи и не даетъ выхода изъ того circuli vitiosi, въ которомъ находится существующее крестьянское самоуправленіе. Волостной судъ, допустимъ, знаетъ обычное право такъ, какъ никто лучше его не можетъ знать, но въ дѣйствительности отъ такого его знанія не получается никакого плода.

Сами же земства вышеприведенными отзывами, съ достаточною объективностью, опредѣлили несостоятельность волостн. суда, предполагающуюся за нимъ и въ разборахъ дѣлъ, подлежащихъ его исключительной компетентности. Но въ жизни въ томъ-то и вся бѣда, что волостной судъ, знающій обычное право, игнорируетъ это право, дѣйству-

етъ въ дѣлахъ имущественныхъ и семейныхъ, не на основаніи этого права, а на основаніи своего безотчетнаго произвола, управляемаго корыстью, водкою или сторонннимъ внушеніемъ. Одного знанія обычнаго права, значитъ, недостаточно для отправленія правосудія, для котораго требуются, сверхъ того, другія, не менѣе важныя условія—нравственная правоспособность, долгъ честнаго и справедливаго отношенія къ дѣлу. Отсюда и вопросъ въ томъ, какъ заставить крестьянскій судъ удержаться въ предѣлахъ своего назначенія, въ предѣлахъ долга, между прочимъ, и на высотѣ того обычнаго права, которое предполагается ему одному извѣстнымъ. Между тѣмъ, на это существенное обстоятельство, поставленное ребромъ самою жизнью и опредѣляющее судьбу всего крестьянскаго правосудія, въ предлагаемыхъ проектахъ почему-то совершенно не обращено никакого вниманія.

Дѣятельность волостного суда, взятая за все время его историческаго существованія, до сихъ поръ не оправдывала его назначенія ни по дѣламъ, составляющимъ его уголовное отдѣленіе, ни по дѣламъ, составляющимъ его гражданское отдѣленіе.

Въ первомъ случаѣ судъ оказался несостоятельнымъ, независимо отъ указанныхъ причинъ, между прочимъ, и потому, что предоставленный самому себѣ, лишенъ былъ и тѣхъ внѣшнихъ руководствъ, какими могли для него служить сельскій уставъ и обычное право,

вовсе не существующее для дѣлъ уголовныхъ; во второмъ случаѣ судъ оказался несостоятельнымъ въ томъ отношеніи, что, въ принципѣ состоя подъ руководствомъ обычнаго права, на практикѣ, впрочемъ для него необязательнаго, онъ, вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности или вслѣдствіе внѣшнихъ условій, не считалъ своею обязанностью примѣнять это право сообразно съ требованіями справедливости, или не имѣлъ къ тому возможности. Въ результатѣ получилось въ обоихъ случаяхъ отсутствіе всякаго правосудія.

Но такъ какъ крестьянскій судъ, такъ или иначе, однакожъ, долженъ быть удержанъ, за невозможностью передать его функціи другому суду, то необходимо поставить его подъ чье-нибудь руководство. По дѣламъ уголовнымъ руководство это требуется для того, чтобы крестьянскій судъ умѣлъ примѣнять уголовное право, почерпнутое изъ нашего законодательства, къ жизни, то есть вершать правосудіе, къ отправленію котораго онъ одинъ неспособенъ. По дѣламъ гражданскимъ руководство это требуется для того, чтобы крестьянскій судъ, изолированный отъ дурныхъ вліяній, почувствовалъ необходимость примѣнять извѣстное ему народное право къ жизни сообразно съ требованіями правосудія. Предполагаемая реформа крестьянскаго суда и должна удовлетворить этимъ двумъ требованіямъ, вытекающимъ изъ сущности дѣла, къ рѣшенію котораго она приз-

вана. Этой цѣли и отвѣчаетъ нашъ проектъ. Привлеченіе сельской интеллигенціи, какъ представительницы культурныхъ силъ деревни, съ которою она связана и условіями быта, и традиціями, къ крестьянскому самоуправленію даетъ гарантію отправленія правосудія въ уголовной сферѣ, вслѣдствіе ея личнаго активнаго участія въ разборѣ дѣлъ этого рода. Такъ называемое обычное право, распространяющееся на дѣла имущественныя, семейныя и проч., вовсе не составляетъ секрета одной крестьянской массы, а представляется хорошо извѣстнымъ если не всей, то нѣкоторой части интеллигенціи, ближе живущей къ народу, и притомъ настолько хорошо извѣстнымъ, что сами крестьяне, какъ намъ приходилось наблюдать, имѣютъ обыкновеніе въ своихъ тяжбахъ по этимъ дѣламъ обращаться за совѣтами къ интеллигенціи. Если же и предположить за нею некомпетентность въ спеціальномъ обычномъ народномъ правѣ, то уже одно ея фактическое участіе въ составѣ суда, участіе, допустимъ, пассивное, при томъ нравственномъ авторитетѣ, которымъ она пользуется въ крестьянской средѣ, заставитъ крестьянскихъ судей добросовѣстнѣе отнестись къ своей обязанности, чѣмъ дается гарантія отправленія правосудія въ гражданской сферѣ. При такомъ сближеніи интеллигенціи съ простымъ народомъ, при отправленіи одной изъ важнѣйшихъ функцій его общественной жизни, окажется благотворное

ея вліяніе на его гражданское развитіе. Такого вліянія инстинктивно домогается самъ простой народъ, довѣряясь больше интеллигенціи, чѣмъ самому себѣ.

И такъ, говоря коротко, къ чему сводится задача реформы крестьянскаго самоуправленія и въ частности, суда? Мы видѣли въ какую сторону сворачиваетъ крестьянское самоуправленіе, предоставленное самому себѣ. Какую бы оно ни получило организацію, покуда сельская масса стоитъ на низкой ступени своего умственнаго и культурнаго развитія, оно, т. е. крестьянское самоуправленіе, всегда будетъ вращаться около оси, представляемой людьми, своимъ вліяніемъ и умственнымъ превосходствомъ берущими перевѣсъ надъ крестьянскою средою. Такую ось въ настоящее время составляютъ волостной писарь и старшина. Задача реформы сводится къ тому, чтобы вынуть эту ось, замѣнивъ ее болѣе здоровою и прочною осью—сельскою интеллигенціею, и затѣмъ приспособить организацію самоуправленія къ духовнымъ и бытовымъ особенностямъ сельскаго простонародья.